

18+

АНАТОМИЯ ВЕРНОСТИ

МЭРИ ГЛЕН

18+

Мэри Глен

Анатомия верности

«Автор»

2026

Глен М.

Анатомия верности / М. Глен — «Автор», 2026

ЛИАМКапитан хоккейной команды. Миллионный актив криминальной империи отца. Для всего мира он несокрушим. Но когда его колено разлетелось на льду, его крепость превратилась в камеру больничного подвала. Под жестоким давлением отца его заставляли играть через адскую боль. Пока в его жизнь не вошла она. Ева Кларк. Тонкий, хладнокровный физиотерапевт из грязных портовых доков Южного Бостона. Она не испугалась угроз его семьи. Но картель Моретти не отпускает своих марионеток живыми. ЕВАЕё жизнь была построена на хирургическом порядке. Это был её щит от травм Южного Бостона, где мафия разрушила её семью. Но потом к ней приполз Лиам Моретти - её кошмар, наследник империи. Но Ева нашла в нем истекающего кровью парня, сражающегося за жизнь мамы. Она нарушила ради него все правила медицины и чести. Теперь его отец идет за ними. Но смогут ли их покалеченные души пережить этот смертельный шаг? АНАТОМИЯ ВЕРНОСТИ — это любовный роман полный высочайшего психологического напряжения.

© Глен М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лиам	5
Глава 2 Ева	10
Глава 3 Лиам	13
Глава 4 Ева	16
Глава 5 Лиам	19
Глава 6 Ева	22
Глава 7 Лиам	25
Глава 8 Ева	27
Часть 2	29
Глава 9 Ева	29
Глава 10 Лиам	32
Глава 11 Ева	36
Глава 12 Лиам	39
Глава 13 Лиам	41
Глава 14 Ева	43
Глава 15 Ева	45
Глава 16 Лиам	47
Глава 17 Ева	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Анатомия верности

Глава 1. Лиам

Холод всегда помогал мне дышать. Когда легкие горели от ледяного воздуха, а мышцы выли от усталости, у меня не оставалось сил думать. На льду «ТД-Гарден» в три часа ночи не существовало фамилии Моретти. Не было репортеров, не было контрактов, и, самое главное, не было призраков.

Только я, свист моих лезвий и черная каучуковая шайба.

Я сделал резкий вираж у синей линии, высекая коньками ледяную крошку. Прожекторы над ареной были выключены, горело только тусклое дежурное освещение. В этом полумраке трибуны на двадцать тысяч мест казались огромной, разинутой пастью доисторического чудовища. Обычно они взрывались ревом, когда я выходил на лед в стартовой пятерке. Сейчас они молчали. И эта тишина давила на барабанные перепонки сильнее любого шума.

Я вел шайбу, перекладывая ее с крюка на крюк. Скорость росла. Сердце колотилось в бешеном ритме, отдавая глухими ударами в висках.

«Ты должен быть безупречен, Лиам».

«Каждое твое слово, каждый жест теперь под микроскопом».

Голос отца преследовал меня даже здесь. Доминик Моретти. Мужчина, который унаследовал империю, выстроенную на крови, контрабанде и чужих жизнях, и теперь отчаянно пытался отмыть ее до блеска в легальном бизнесе.

Неделю назад умер мой дед. Дон Вито. Человек, чье имя в Бостоне тридцать лет произносили шепотом и со страхом. Он скончался в своей роскошной постели от остановки сердца, оставив после себя горы грязных денег, криминальный шлейф и завещание, которое связало нас с отцом по рукам и ногам. Дед мертв, но его тень до сих пор душила меня. Я ненавидел каждую секунду, проведенную в семейном особняке, где пахло дорогими сигарами, старым коньяком и чужим страхом.

Я хотел быть просто хоккеистом. Я хотел, чтобы люди видели мои голы, а не криминальную хронику, в которой годами мелькала моя фамилия.

Я доехал до зоны вбрасывания, замахнулся и с силой вколотил шайбу в борт. Эхо от удара раскатилось по пустой арене, как пушечный выстрел.

— Недостаточно быстро, Моретти, — прохрипел я сам себе. Мой голос прозвучал чужим в этой пустоте.

Я подобрал еще одну шайбу из пластикового ведра у скамейки запасных. Снова разгон. Ноги налились свинцом, пот заливал глаза под шлемом, но я не останавливался. Я бежал от мыслей. Если я остановлюсь, они сожрут меня заживо. Я снова видел бледное, восковое лицо деда в гробу. Видел холодные, расчетливые глаза отца, который прямо на похоронах шептал мне на ухо, какие заявления нужно сделать для прессы, чтобы акции семейного холдинга не поползли вниз.

Внезапно тишину стадиона прорезал резкий, настойчивый звук. Мой телефон, оставленный на борту у скамейки, вибрировал и светился в темноте.

Я затормозил, едва не врезавшись в ограждение. Сердце пропустило удар. Я знал, кто звонит в такое время. Никто другой не посмел бы нарушить мой покой.

Подъехав к борту, я снял тяжелую крагу и взял трубку. На экране светилось одно слово: *Отец.*

Я нажал кнопку приема и прижал холодный корпус смартфона к уху, тяжело дыша.

— Да, — коротко бросил я.

— Ты снова на льду, Лиам? — голос Доминика Моретти был сухим, ровным и лишенным каких-либо эмоций. Ни капли тепла. Никакого «как ты себя чувствуешь?». Только бизнес. — На часах четвертый час утра. У тебя через пять часов благотворительный завтрак с акционерами «Моретти Девелопмент».

— Я помню, — ответил я, сжимая пальцами пластиковый бортик. — Я буду там.

— Ты должен быть не просто там. Ты должен выглядеть идеально, — в голосе отца послышался металл. — На этот завтрак приедут люди, которые до сих пор сомневаются, стоит ли подписывать с нами контракты после... ухода твоего дедушки. Мы легализуем последний крупный актив, Лиам. Прошное должно остаться в земле вместе с Вито. Если репортеры сфотографируют тебя с синяками под глазами или напишут, что у нападающего НХЛ проблемы с ментальным здоровьем, это ударит по акциям. Ты меня слышишь?

— Я слышу тебя, отец, — со злостью выдохнул я. Каждое его слово вонзалось в меня, как осколок льда. — Я лицо твоего чертова бренда. Я ходячая реклама твоей новой «чистой» жизни. Я все понял.

— Твой дед оставил нам слишком много грязи, Лиам. Я трачу миллиарды и последние остатки здоровья, чтобы отмыть наше имя, и я не позволю твоему юношескому бунту все испортить. Будь в костюме к восьми. Без опозданий. И ради всего святого, выдави из себя улыбку перед камерами.

В трубке раздались короткие гудки. Он даже не дождался моего ответа. Просто выставил рамки. Загнал меня в очередную золотую, сужающуюся клетку.

В ярости я швырнул телефон обратно на скамейку — он с глухим стуком ударился о деревянное сиденье. Злость — горячая, чистая, ядовитая — затопила мое тело до самых кончиков пальцев. Меня крупно трясло. Они все хотели от меня чего-то, все до единого. Отец хотел идеального преемника для обложек бизнес-журналов, чтобы окончательно похоронить мафиозное прошлое. Болельщики хотели кубок Стэнли и тридцать голов за сезон. Пресса хотела грязных, кровавых тайн о том, сколько людей закопано под фундаментами зданий Моретти.

Никому не был нужен я сам.

Я резко развернулся, подхватил клюшку и набрал безумную скорость, двигаясь к противоположным воротам. В голове все горело. Я видел перед собой лицо отца, заголовки газет, тень деда. Каучуковый диск летел впереди меня.

«Я не их вещь», — думал я, стискивая зубы. — «Я принадлежу только этому льду».

Я замахнулся для финального, самого мощного броска, вкладывая в него всю свою ярость, всю накопившуюся боль и отчаяние. Но в самый момент удара, когда я перенес весь вес на левую ногу для толчка и резко развернул корпус...

Что-то пошло не так.

Лезвие конька зацепилось за глубокую выбоину во льду, которую я сам же и выбил минутой ранее. Нога ушла в сторону, а тело по инерции продолжило движение с огромной скоростью.

Раздался глухой, отчетливый, страшный *щелчок*.

Эхо этого звука, казалось, разорвало тишину арены. В ту же секунду левое колено обожгло такой невыносимой, ослепляющей болью, будто туда вогнали раскаленный добела железный штырь.

— А-а-а-ах! — крик сорвался с моих губ, превратившись в хрип.

Я лежал на спине, судорожно, как выброшенная на берег рыба, хватая ртом холодный воздух. Перед глазами плыли огромные черные и золотые круги, а сознание балансировало на грани обморока. Весь мой мир, все проблемы с отцом и дедом в секунду сжались до одной-единственной точки — моего левого колена. Оно горело адским, синим пламенем. Из глаз непроизвольно брызнули горячие слезы, которые тут же замерзли на моих обветренных щеках.

Я попытался сделать глубокий вдох и слегка пошевелить ногой, но новая волна боли была настолько острой, что в горле пересохло, а к горлу подступила тошнота. Я едва не терял сознание.

«Нет, нет, нет... только не это. Пожалуйста, только не сейчас», — забилась в голове паническая, испуганная мысль.

Я медленно, крупно дрожащими руками дотянулся до колена сквозь плотные слои хоккейной формы. Связки. Я слишком хорошо знал эту анатомию. У нас в команде в прошлом сезоне двое парней вылетели на девять месяцев с разрывом передней крестообразной. Эта боль не была похожа на обычный ушиб или растяжение. Внутри меня что-то порвалось. Навсегда.

Если я сейчас вылечу из состава, если клуб узнает о травме... меня отстранят от игр. Меня запрут дома. Я останусь один на один с отцом, его легальным бизнесом и призраками деда. Хоккей был моей единственной защитой. Моим бронежилетом от этого мира. Без него я был никем. Просто сыном мафиози в дорогом костюме.

Отец узнает. Он разорится на британский флаг, потому что «идеальное лицо бренда» теперь хромает. Спонсоры начнут задавать вопросы, сделка века сорвется.

— Никто не должен знать, — прошептал я, вонзая пальцы в лед, чтобы не закричать снова. — Ни единая душа.

Кое-как, цепляясь зубами за воздух и сдерживая стоны, я перевернулся на живот. Каждый сантиметр движения давался с адским трудом. Я пополз к скамейке запасных, волоча за собой сломанную левую ногу. Лед под моей щекой был холодным, но внутри меня выжигала чистая паника.

Я должен встать. Я должен дойти до раздевалки. Я должен спрятать это от всех.

Кое-как добравшись до бортика, я уцепился за него руками. Мышцы рук горели от напряжения, когда я буквально вытащил свое стокилограммовое тело со льда на деревянный пол скамейки. Каждый вдох давался с трудом.

Срезав шнурки на коньках защитным ножом, который всегда лежал в кармане баула, я с трудом освободил ногу. Колено уже начинало раздуваться, превращаясь в бесформенную, горячую массу под плотным термобельем. Кое-как переодевшись в гражданскую одежду, кусая губы до крови, чтобы не выть от боли, я покинул арену через черный ход, где не было камер.

Дорога до моего пентхауса на машине заняла вечность. Каждое нажатие на педаль газа здоровой правой ногой отзывалось эхом в левой.

Оказавшись дома, я доковылял до ванной комнаты. Включив яркий свет, я посмотрел в зеркало. Осунувшееся лицо, дикие глаза с полопавшимися сосудами, мертвенная бледность. Я открыл шкафчик и высыпал на ладонь сразу три таблетки сильнейшего рецептурного обезболивающего, оставшегося после прошлогодней травмы плеча. Заглотил их, даже не запивая водой.

Затем я взял эластичный бинт и начал туго, слой за слоем, стягивать колено, блокируя сустав. Боль заставила меня зажмуриться, издав глухой рык.

У меня было всего пять часов до встречи с отцом. Пять часов, чтобы научиться ходить так, чтобы никто не заметил, что внутри меня только что разорвалась бомба.

Я закрыл глаза, прислонившись затылком к холодному кафелю ванной. Таблетки еще не начали действовать, и сознание, измученное болью и бессонницей, начало ускользать, проваливаясь в темноту.

В этой темноте я снова стал семилетним мальчиком.

В тот день в Бостоне лил проливной осенний дождь. Меня, испуганного и промокшего, привезли в семейный особняк деда. В гостиной пахло дорогим табаком, кожей и чем-то металлическим — запахом, который я научился распознавать гораздо позже. Запахом оружия.

Мой отец, Доминик, тогда еще молодой, но уже с такой же ледяной складкой между бровей, стоял у окна. На диване сидел дед — Дон Вито. В свои пятьдесят он выглядел как грозная

туча. Перед ним на ковре на коленях стоял мужчина. Он плакал, умолял о пощаде, его лицо было превращено в кровавое месиво. Я случайно заглянул в полуоткрытую дверь и замер, не в силах пошевелиться от первобытного ужаса.

— Смотри на него, Доминик, — хрипло сказал дед, не обращая внимания на рыдания человека на полу. — Это то, что бывает с теми, кто забывает, кому принадлежит этот город. Моретти не прощают слабость. И твой сын должен это усвоить. Лиам! Зайди.

Я вздрогнул. Отец резко повернулся ко мне. В его глазах не было жалости к плачущему человеку, только глухое раздражение от того, что я стал свидетелем этой сцены. Он подошел, грубо схватил меня за плечо и развернул к выходу.

— Ему рано это видеть, отец, — холодно бросил Доминик деду. — Он слишком мягкий. Весь в мать. Чуть что — в слезы. Из него не выйдет бойца.

Они спорили обо мне так, словно меня не было в комнате. Дед хотел сломать меня, погрузить в грязь их криминального мира с самого детства, чтобы сделать «настоящим Моретти». Отец же видел во мне разочарование — обузу, которая из-за своей эмпатии и мягкости может подставить клан под удар. Я был для них либо пластилином для лепки монстра, либо бракованной вещью.

На следующий день отец, желая «выбить из меня дурь» и проверить, есть ли во мне хоть капля семейной жестокости, отвез меня на местный каток. Это не была благотворительная секция. Это был жесткий, полуподпольный ледовый клуб на окраине Бостона, где тренировались сыновья местных авторитетов и портовых рабочих. Там не учили кататься. Там учили выживать.

— Если через месяц ты заноешь и попросишься домой, я заставлю тебя сидеть в кабинете твоего деда и смотреть на каждую его «беседу» с должниками, — сказал тогда отец, швырнув мне под ноги тяжелую, жесткую коробку с первыми коньками. — Выбирай, Лиам. Либо ты учишься драться здесь, либо учишься ломать людей там.

Я выбрал лед.

Первые недели были адскими. Старшие мальчишки сбивали меня с ног, впечатывали в деревянные борта, смеялись над моей элитной одеждой. Мои колени и локти превратились в один сплошной синяк. Но каждый раз, когда я хотел сдаться, я вспоминал окровавленного человека на ковре в доме деда. Я вспоминал холодные глаза отца. И я поднимался.

В какой-то момент я понял: лед — это единственное место, где правила были одинаковы для всех. Здесь не имели значения миллионы моего деда. Здесь каучуковая шайба летела туда, куда ты ее послал, а не туда, куда приказал Дон Вито. На льду я контролировал свою жизнь сам.

Я начал тренироваться как одержимый. Я научился не просто кататься — я научился летать. Моя злость, мой страх перед собственной семьей превратились в чистое топливо. Когда я впервые на полной скорости обошел защитника и вколотил шайбу в девятку, я почувствовал свободу. Настоящую, пьянящую свободу.

Отец пришел на мою первую официальную игру, когда мне исполнилось двенадцать. Я забил три гола и устроил жесткую драку с парнем, который попытался атаковать нашего вратаря со спины. Я защищал своего.

После матча Доминик зашел в раздевалку. Он посмотрел на мое разбитое лицо, на тяжелое дыхание и впервые в жизни скупно кивнул.

— Ладно. В тебе есть наша кровь, Моретти. Ты умеешь побеждать. Раз уж ты выбрал этот спорт, ты станешь лучшим. Наша фамилия должна быть на вершине. Везде.

Тогда я думал, что заслужил его уважение. Но я ошибался. Отец просто понял, как использовать мое увлечение. Когда криминальная империя деда начала трещать под натиском ФБР, отец сообразил, что «Лиам Моретти — чистая звезда НХЛ, гордость Бостона» — это идеальный щит. Моя спортивная карьера стала для него лучшим маркетинговым ходом для легализации бизнеса. Он превратил мое спасение в свою выгоду.

...Резкая вспышка боли в колене вернула меня в реальность ванны. Я открыл глаза, тяжело дыша. На лбу выступил холодный пот.

Воспоминания ушли, оставив после себя лишь горький привкус. Я посмотрел на свое замотанное эластичным бинтом колено. Отец был прав в одном: я научился выживать на этом льду. И если сейчас я сдамся, если покажу слабость — они снова затащат меня в ту темную комнату деда, из которой я бежал всю свою жизнь.

Глава 2 Ева

Запах свежесваренного кофе с корицей и едва уловимый, чистый аромат аптечной ромашки — так пахло мое утро.

Моя съемная однокомнатная квартира на окраине Бостона была крошечной, но в ней царил тот безупречный, почти стерильный порядок, к которому я привыкла с медицинского колледжа. Здесь не было места хаосу. Каждая вещь знала свое место: светлые занавески аккуратно подвязаны, на рабочем столе — идеальная стопка чистых бланков и стакан с точеными карандашами, а вдоль стены тянулся массивный стеллаж. На его полках, строго по алфавиту, теснились тяжелые медицинские атласы, труды по биомеханике, спортивной медицине и анатомии человека.

Я провела пальцем по корешку книги «Патологии сухожилий и реабилитация крупных суставов». Настоящее сокровище, которое я зачитала до дыр.

На широком, вымытом до блеска подоконнике в простых глиняных горшках зеленели несколько пышных кустов алоэ. Мой единственный «домашний питомец». Неприхотливое, стойкое растение, способное выжить в любых условиях и заживить чужие раны. В чем-то мы были с ним похожи.

Я сделала глоток обжигающего кофе и посмотрела на висящий на плечиках строгий медицинский костюм темно-синего цвета с аккуратной серебристой вышивкой на груди: «*Бостон Брюинз. Медицинский штаб*».

Мой первый официальный день. До сих пор не верилось, что я здесь.

Мне было всего двадцать шесть, и для Национальной хоккейной лиги я считалась слишком молодой. В этом мире суровых мужчин, огромных денег и вечных травм крутились в основном седовласые спортивные врачи с тридцатилетним стажем. Но меня пригласили не по объявлению. Я попала в «Брюинз» по личной, настоятельной рекомендации доктора Харриса — легенды спортивной хирургии США.

Три месяца назад на закрытом медицинском симпозиуме в Чикаго я представила свою авторскую методику ускоренной реабилитации после разрыва связок без потери мышечного тонуса. Харрис тогда долго изучал мои графики, хмурился, а потом подошел, хлопнул меня по плечу и сказал: «*У тебя редкий дар, Ева. Ты видишь человеческое тело как единый часовой механизм, а не просто набор костей. Хватит сидеть в районной поликлинике. Тебе пора к тем, кто ломает себя ради миллионов*». Через неделю мне позвонил генеральный менеджер бостонского клуба.

Я подошла к зеркалу, завязала непослушные волосы в тугую, аккуратный хвост на затылке и критически осмотрела свое отражение. Никакого яркого макияжа, только собранность и уверенность в глазах. Спортсмены — специфический народ. Для них молодая девушка в раздевалке — это либо объект для флирта, либо досадная помеха. Мне нужно было с первой секунды заставить их уважать меня как профессионала. Уважать мои знания, а не мою внешность.

— Ну что, Ева, покажи им, на что способна девчонка из пригорода, — тихо сказала я своему отражению и решительно застегнула замок на сумке с инструментами.

Спустя сорок минут я уже переступала порог ультрасовременной тренировочной базы «Брюинз». Огромный комплекс из стекла и бетона встретил меня гулом голосов, запахом дорогого парфюма, дорогой спортивной экипировки и... льда. Этот специфический, морозный запах я узнала бы из тысячи.

Кабинет главного врача команды, доктора Томаса, располагался в конце длинного коридора, стены которого были увешаны историческими фотографиями клуба и золотыми кубками.

Томас, плотный мужчина пятидесяти лет с усталыми глазами, встретил меня вежливым, но слегка скептическим кивком.

— Добро пожаловать в ад, Ева, — устало улыбнулся он, протягивая мне толстую папку с медицинскими картами игроков. — Рекомендация Харриса для меня как закон, но сразу предупреждаю: теория из твоих диссертаций здесь работает через раз. Наши парни — это миллионеры на коньках. Они капризные, упрямые, и половина из них считает, что лед лечит любые переломы лучше любого врача.

— Я умею находить подход к упрямым пациентам, доктор Томас, — спокойно ответила я, присаживаясь на стул и забирая папку. — Моя задача — вернуть их на лед здоровыми, а не нравиться им.

— Хороший настрой. Он тебе понадобится, — Томас серьезно посмотрел на меня и постучал пальцем по верхней папке, на которой красным маркером была сделана пометка «Особый контроль». — Потому что твоим главным подопечным будет Лиам Моретти.

При звуке этой фамилии у меня внутри все напряглось. Кто в Бостоне не знал Моретти? Главная звезда команды, один из лучших нападающих лиги, чье лицо украшало каждый второй билборд в городе. И одновременно с этим — сын Доминика Моретти, миллиардера и главного спонсора нашего клуба. В прессе постоянно крутились слухи о криминальном прошлом их семьи, о недавней смерти деда-мафиози и о невыносимом, холодном характере самого Лиамы. Журналисты не зря прозвали его «Айс».

— С ним что-то не так? — спросила я, открывая его карту. На страницах пестрили записи: перелом ключицы, сотрясение мозга, растяжения... Парень играл на износ.

— С ним все не так, — вздохнул Томас, потирая переносицу. — Неделию назад умер его дед. С тех пор Лиам превратился в ходячую бомбу замедленного действия. Он не спит, игнорирует психолога, тренируется как проклятый и никого не подпускает к себе ближе чем на метр. Его отец, Доминик, звонит мне каждые два дня и требует, чтобы Лиам был «медийно безупречен», потому что у них там какие-то сумасшедшие бизнес-сделки. Парень находится под диким давлением, Ева. Он замыкается, агрессивен, а на льду ведет себя так, словно ищет смерти. Если он получит серьезную травму, его отец сожрет наш медицинский штаб вместе с костями. Присмотри за ним. Твоя хваленая методика психологического баланса и реабилитации тут пройдет настоящую проверку огнем.

— Я поняла, — кивнула я, закрывая папку. Внутри меня разгорелся профессиональный азарт. Сложные случаи всегда привлекали меня больше всего.

Ближе к полудню я закончила обустраивать свой новый кабинет физиотерапии. Кабинет физиотерапии встретил меня простором, запахом новой мебели и прохладой от мощной приточно-вытяжной вентиляции. Потребовалось ровно два часа, чтобы превратить это стандартное спортивное помещение в филиал моей собственной квартиры — место, где царили абсолютная гармония и медицинский порядок.

В самом центре стояла широкая, регулируемая по высоте анатомическая кушетка. Я лично проверила каждый стык и дважды протерла её кожаную обивку дезинфицирующим раствором с едва заметным ароматом горной свежести. У стены выстроились новенькие аппараты для ультразвуковой терапии, лазерной стимуляции тканей и лимфодренажа. Их хромированные детали сияли в лучах полуденного солнца, пробивающегося сквозь жалюзи.

На стеклянных полках медицинского шкафа в строгом хронологическом порядке выстроились баночки с разогревающими мазями, охлаждающими гелями и противовоспалительными спреями. Рядом — идеально ровные ряды разноцветных бобин с кинезиотейпами, рассортированные по ширине и жесткости. Никакой хаотично брошенной упаковки. Никаких следов небрежности прежнего персонала.

На моем рабочем столе, прямо рядом с ноутбуком, где уже была открыта база данных игроков, теперь красовался маленький глиняный горшок с отростком алоэ, который я бережно

принесла из дома завернутым в теплую ткань. Этот маленький зеленый островок среди холодного пластика и металла мгновенно сделал кабинет уютным. Настоящее рабочее место Евы Кларк — чистое, собранное и готовое к любой экстренной реабилитации.

Решив осмотреться, я вышла в коридор, ведущий к раздевалкам и выходу на арену. Команда как раз возвращалась с утреннего собрания перед вечерним матчем. Огромные, плечистые парни в фирменных спортивных костюмах громко смеялись, шутили и обсуждали тактику.

Я остановилась у стены, наблюдая за ними, и тут мое внимание привлек мужчина, идущий чуть позади всех.

Лиам Моретти.

Он был огромным — за метр девяносто роста, с широкими плечами и жестким, словно высеченным из мрамора лицом. Густые темные волосы были слегка растрепаны, а на челюсти играли желваки. Но поразило меня не это. Вокруг него словно существовал невидимый кокон из глухого, осязаемого одиночества и ярости. Он ни на кого не смотрел, его взгляд был устремлен в пол, а губы сжаты в тонкую линию.

Большинство людей обратили бы внимание на его грозный вид, но я была физиотерапевтом. Мой наметанный взгляд мгновенно, на подсознательном уровне, зафиксировал едва заметную аномалию в его движениях.

Лиам шел, засунув руки в карманы брюк. Но при каждом шаге на левую ногу его левое плечо едва уловимо опускалось ниже правого — всего на пару миллиметров. Он почти незаметно задерживал перенос веса тела на левую сторону, стараясь быстрее переступить на здоровую правую ногу. Его походка была слишком жесткой, зажатой в тазобедренном суставе. Так ходит человек, который отчаянно пытается скрыть, что его сустав или связка заблокированы острой болью.

Я прищурилась, провожая его взглядом до самой двери раздевалки.

«Ты хромаешь, Моретти», — подумала я, и внутри меня забил тревожный колокол. — «И ты пытаешься это спрятать от всей команды».

Парень только что вышел с собрания, где его утвердили на вечерний матч. Играть с травмой в НХЛ — это чистое безумие, которое может стоить карьеры. Но, судя по тому, что мне рассказал Томас, «Айс» скорее позволит льду окраситься своей кровью, чем добровольно признает слабость перед отцом или тренером.

Я медленно повернулась и пошла обратно в свой кабинет, на ходу надевая медицинские перчатки. Мой первый рабочий день обещал стать гораздо интереснее и опаснее, чем я предполагала.

Глава 3 Лиам

Вспышки фотокамер слепили глаза, а фальшивые, отрепетированные улыбки сотен людей в банкетном зале отеля «Ритц-Карлтон» вызывали у меня глухое тошнотворное чувство. На часах было ровно восемь утра.

Я стоял в безупречно подогнанном дорогом смокинге, сжимая в руке бокал с шампанским, к которому даже не прикоснулся. Каждое движение левой ноги отзывалось в колене тупой, пульсирующей болью. Домашние таблетки действовали, но их едва хватало на то, чтобы я мог стоять ровно, не перенося весь вес на правую сторону. Я заставил свои мышцы окаменеть. Никто вокруг не должен был заметить, что под дорогой тканью брюк мое колено стянуто тремя слоями эластичного бинта.

Отец стоял в паре метров от меня, окруженный инвесторами из Нью-Йорка. Он выглядел респектабельно, уверенно и благородно — идеальный образ филантропа, который строит будущее Бостона.

— А вот и наш семейный повод для гордости, — громко произнес Доминик Моретти, поворачиваясь в мою сторону и увлекая за собой мужчин в строгих костюмах. — Мой сын, Лиам. Капитан «Брюинз». Наш фонд как раз выделяет средства на новую детскую спортивную академию, и Лиам лично возглавит этот проект.

Один из инвесторов, пожилой мужчина с цепким взглядом, понимающе кивнул:

— Отличный ход, Доминик. Спортсмен с такой... яркой фамилией на обложке — это лучшая гарантия того, что у проекта нет двойного дна. Мы все помним, кем был ваш покойный отец, но глядя на Лиаму, понимаешь: Моретти теперь ведут дела исключительно по правилам честной игры.

Внутри меня все перевернулось от ярости. Они говорили обо мне так, словно я был породистым скакуном на выставке. Мои голы, мои спортивные травмы, моя жизнь — все это использовалось отцом как ластик, которым он стирал с нашей фамилии кровь и грязь, оставленные дедом.

Отец подошел ближе, по-хозяйски положил тяжелую ладонь мне на плечо и слегка сжал его, заставляя меня улыбнуться шире для очередного репортера.

— Мой сын понимает цену семейного долга, — тихо, но с явным предупреждением в голосе произнес отец, глядя мне прямо в глаза. — Он знает, что сегодня важный матч. И он знает, что «Моретти Девелопмент» не может позволить себе проигрывать. Верно, Лиам?

Я почувствовал, как челюсть свело от напряжения. В его глазах не было ни капли заботы о том, спал ли я этой ночью. Его интересовал только чистый фасад.

— Да, отец, — ответил я сквозь зубы, удерживая вес на больной ноге из последних сил. — Я сделаю все, что от меня требуется.

Как только инвесторы отвлеклись, я резко убрал плечо из-под его руки, поставил бокал на поднос проходящего мимо официанта и направился к выходу, стараясь сохранять идеально ровную, размеренную походку. Каждое нажатие на пятку левой ноги отзывалось в сознании красными вспышками.

Дорога до тренировочной базы «Брюинз» превратилась в сплошной кошмар. Я вел машину, со злостью вцепляясь в руль. Мой гнев выжигал остатки страха. Я ненавидел этот фальшивый утренний завтрак. Ненавидел эти скользкие взгляды бизнесменов. Ненавидел отца, который видел во мне только инструмент.

На утреннее собрание команды я влетел за две минуты до начала. В зале для видеоразборов было шумно. Парни обсуждали тактику соперника, смеялись и швырялись бумажными стаканчиками. Я сел на самый дальний ряд, натянув козырек кепки на глаза. Мне стоило огром-

ных усилий просто сидеть, согнув ногу в колене под углом в девяносто градусов. Связки внутри словно натягивались до предела и трещали.

Когда тренер объявил стартовый состав и назвал мою фамилию в первом звене, я просто молча кивнул.

После собрания команда повалила в коридор, шумно направляясь в сторону раздевалки. Я намеренно задержался, пропуская всех вперед. Я засунул руки в карманы спортивных брюк, сжал зубы и заставил себя сделать шаг.

Именно в этот момент я совершил ошибку. Мое левое плечо непроизвольно опустилось ниже правого, когда я попытался разгрузить сустав. Я на долю секунды замер, переступая на здоровую ногу.

У стены коридора стояла незнакомая девушка в темно-синем медицинском костюме клуба. Ее каштановые волосы были стянуты в тугий хвост, а на груди серебрилась вышивка медицинского штаба. Новая девчонка-физиотерапевт, о которой краем уха упоминали парни.

Я скользнул по ней тяжелым, предостерегающим взглядом, давая понять, чтобы она держалась подальше. Но ее взгляд... он не был похож на взгляды фанаток или репортеров. Она не смотрела на мое лицо или плечи. Ее цепкие, внимательные глаза были прикованы к моим ногам. К моей походке. К тому, как жестко я зажимал тазобедренный сустав.

Она прищурилась, провожая меня взглядом до самой двери раздевалки.

Внутри меня похолодело. Эта девчонка заметила. Обычный человек ничего бы не понял, но этот профессиональный, оценивающий взгляд врача я ни с чем бы не перепутал.

В раздевалке все быстро переодевались, собираясь на предматчевый обед и отдых. Я заперся в кабинке туалета, тяжело прислонившись лбом к прохладной перегородке.

Действие домашних таблеток стремительно шло на убыль. Колено под тканью штанов начало пульсировать с новой, утроенной силой, раздуваясь внутри бинта, как воздушный шар. По лбу катился холодный пот. Я понимал: с такой болью я не то что не смогу провести полноценный силовой прием, я упаду при первом же резком старте. Домашняя аптечка тут была бессильна. Мне нужны были сильные спортивные противовоспалительные блокаторы, которые колют или дают игрокам в экстренных случаях.

Такие препараты хранились только в одном месте — в кабинете физиотерапии, в закрытом медицинском шкафу, к которому был доступ только у врачей.

Я дождался, пока раздевалка полностью опустеет и парни уйдут в столовую на предматчевый рацион. На базе воцарилась глухая, полуденная тишина.

Выйдя в коридор, я двинулся в сторону медицинского блока. Нога уже практически не слушалась, я откровенно тащил её за собой, стирая пальцы в кулаках до белизны суставов.

Дверь нового кабинета физиотерапии была приоткрыта. Внутри было тихо. Горело лишь тусклое дежурное освещение, пробивающееся сквозь жалюзи. Я быстро проскользнул внутрь и прикрыл за собой дверь, молясь, чтобы никто не зашел.

Кабинет выглядел непривычно. Прошлый физиотерапевт устраивал здесь свалку из тейпов и коробок, но сейчас тут царил маниакальный, почти хирургический порядок. Все баночки стояли по линейке, кушетка сияла чистотой, а на столе в углу стоял дурацкий маленький горшок с алоэ. Настоящее логово новой девчонки.

Мне было плевать. Я быстро подошел к стеклянному медицинскому шкафу и потянул за ручку. Заперто. Черт.

Я начал лихорадочно осматривать полки сквозь стекло, выискивая знакомые ампулы или сильные таблетки. Мое дыхание было тяжелым и рваным. Руки дрожали от подступающей паники и боли. Если я не найду лекарство сейчас, через пару часов я просто не смогу встать на коньки. Моя тайна раскроется. Отец уничтожит меня, а хоккей закроет для меня свои двери.

Я уперся здоровой рукой в край стола, собираясь выбить стеклянную дверцу шкафа плечом, если не найду ключи в ящике стола. Я резко выдвинул верхний ящик, переворачивая бланки.

— Ищешь блокаторы, Моретти? — раздался спокойный, чистый и абсолютно уверенный девичий голос прямо за моей спиной.

Я замер, ощущая, как сердце на секунду перестало биться.

В углу кабинета, в тени за массивным аппаратом ультразвуковой терапии, на высоком стуле сидела она. Та самая девчонка-врач из коридора. В ее руках был медицинский планшет, а на губах играла едва заметная, холодная усмешка. Она всё это время сидела там, в темноте, и просто ждала меня.

Глава 4 Ева

Наблюдать за тем, как рушится чужая броня, — сомнительное удовольствие. Но когда дело касается профессиональных спортсменов, это единственный способ заставить их лечиться.

Лиам Моретти застыл у моего стола, словно его пригвоздило к полу током. В полумраке кабинета его огромный силуэт казался еще массивнее, а плечи под спортивной курткой судорожно напряглись. Он медленно, очень медленно повернул голову в мою сторону. Если бы взглядом можно было убить, я бы уже лежала на полу своего стерильного кабинета. Его серые глаза, обычно холодные и пустые, сейчас горели опасным, загнанным блеском.

— Ты что здесь делаешь? — его голос прозвучал как низкий, угрожающий рык.

— Я здесь работаю, Моретти, — я спокойно отложила планшет на колени и поднялась со стула. — В отличие от тебя. Ты сейчас занимаешься незаконным проникновением и попыткой взлома шкафа с рецептурными препаратами.

Я сделала несколько шагов вперед, сокращая дистанцию. Вблизи он казался просто огромным — мне пришлось закинуть голову, чтобы смотреть ему прямо в глаза. От него пахло дорогим парфюмом, морозным льдом и... потом. Тем самым тяжелым потом человека, который борется с дикой физической болью.

— Выйди отсюда, — процедил он сквозь зубы. Его челюсть была сжата так, что на скулах ходили желваки. — Мне плевать, кто ты такая. Дай мне то, что лежит в шкафу, и забудь, что видела меня здесь. Или завтра ты будешь искать новую работу. Мой отец...

— Твой отец — главный спонсор клуба, я знаю, — перебила я его, даже не моргнув. Слишком часто богатые мальчики пытались напугать меня своими фамилиями. — Но твой отец не хирург. И если ты сейчас сделаешь себе блокаду и выйдешь на лед, завтра твоё колено разлетится на куски прямо во время силового приема. И тогда никакой Доминик Моретти не спасет твою карьеру в НХЛ.

Лиам резко шагнул ко мне, пытаясь зажать меня своим весом, запугать.

— Ты ничего не знаешь обо мне.

— Я знаю анатомию, — я сделала быстрый, просчитанный шаг в сторону, уходя от его давления, и резко, без предупреждения, ладонью надавила на внешнюю сторону его левого бедра, чуть выше коленного сустава.

Это был профессиональный экспресс-тест на повреждение связок. Результат не заставил себя ждать.

Лиам резко втянул воздух сквозь зубы. Его огромная фигура покачнулась. Он моментально потерял контроль над походкой, хватаясь рукой за край кушетки, чтобы просто не рухнуть на пол. На его лбу мгновенно выступили крупные капли пота. Он побелел так, что его лицо стало одного цвета с моей вымытой кушеткой.

— Какого черта ты творишь?! — прохрипел он, задыхаясь от боли.

— Я доказываю тебе, что ты калека, который пытается совершить самоубийство, — мой голос оставался ледяным и ровным. Я подошла к кушетке и похлопала по кожаной обивке. — Ложись. Живо. Я проведу осмотр.

— Нет, — он попытался выпрямиться, упрямо цепляясь за деревянный поручень. — Я буду играть сегодня. Мне нужны таблетки. Просто дай мне чертовы колеса!

— На коньках ты сегодня не стоишь, Моретти. Либо ты сейчас добровольно ложишься на эту кушетку, и мы посмотрим, что там можно сделать, либо я прямо сейчас достаю телефон, звоню доктору Томасу и главному тренеру. И вечерний матч ты проведешь на трибуне в качестве зрителя. Выбирай.

Лиам посмотрел на меня с такой чистой, первобытной ненавистью, что мне на секунду стало не по себе. Но я не отвела взгляд. Я выросла в Южном Бостоне, и упрямые мужчины не были для меня в новинку.

Осознав, что шантаж не работает, а боль сжирает его изнутри, он издал глухой, яростный рык и буквально завалился на кушетку, вытягивая левую ногу.

Я подошла ближе, мои пальцы действовали уверенно и быстро. Я аккуратно закатала штанину его спортивных брюк. Под тканью обнаружился эластичный бинт, намотанный так туго, что кожа выше него уже начала синеть.

— Идиот, — тихо констатировала я. — Ты же перекрыл себе весь кровоток.

Я быстро разрезала бинт медицинскими ножницами. Мои опасения подтвердились. Коленный сустав Лиам раздулся, став размером с небольшую дыню. Кожа была горячей и натянутой.

— Когда это произошло? — спросила я, начинаю осторожно пальпировать сустав.

— Ночью, — глухо ответил он, уставившись в потолок. Его пальцы до белизны суставов впились в обшивку кушетки.

— Разворот на скорости? Лезвие застряло?

— Да.

Я аккуратно сместила голень вперед относительно бедра — классический тест «выдвижного ящика». Лиам снова дернулся, глухо застонав.

— Ну, поздравляю, Моретти. У тебя как минимум сильное растяжение, а как максимум — частичный разрыв передней крестообразной связки. Какая, к черту, игра? Тебе нужно МРТ. Прямо сейчас.

— Мне нужна блокада, — он резко приподнялся на локтях, тяжело дыша. В его глазах была какая-то дикая, животная паника, которая не вязалась с его образом высокомерного «Айса». Это был не просто страх пропустить матч. Это был панический ужас перед чем-то другим. — Ева... или как тебя там. Пожалуйста. Мне нужно отыграть этот матч. Всего три периода. Потом делай со мной все, что хочешь. Запри в больнице, режь, мне плевать. Но сегодня я должен быть на льду.

Я замерла, удивленная тем, что он впервые назвал меня по имени и в его голосе прозвучало слово «пожалуйста». Но как врач я не имела права поддаваться на эмоции.

— Нет, Лиам. Я не подпишу твой допуск. И блокаду я тебе делать не буду. Это профессиональное самоубийство.

Я повернулась к столу, чтобы взять холодный компресс и зафиксировать сустав. Я вернулась к кушетке, держа в руках пакет со специальным медицинским льдом, обернутый в тонкое полотенце. Лиам продолжал полулежать, уставившись в потолок невидящим, остекленевшим взглядом. Грудь под спортивной курткой тяжело вздымалась. На его лбу проступила болезненная испарина, а челюсти были сжаты до такой степени, что на скулах отчетливо пульсировали вены.

— Лежи смирно, — тихо, но твердо скомандовала я, опускаясь на колени рядом с краем кушетки.

Он никак не отреагировал на мои слова, лишь сильнее впился пальцами в кожаную обивку. Я осторожно опустила ледяной компресс на его изувеченное, воспаленное колено. Пакет со льдом с тихим шорохом принял форму сустава. В первую секунду Лиам крупно вздрогнул от резкого температурного контраста, его тело натянулось как струна, а из груди вырвался рваный, рвущий горло выдох.

— Дыши, Моретти, — я мягко, но уверенно прижала ладонь к его здоровому бедру, заставляя зафиксировать ногу и не дергаться. — Сначала будет жечь, потом онемееет. Тебе нужно сбить этот отек.

Мои пальцы профессионально и аккуратно поправили полотенце, следя за тем, чтобы лед плотно облегал всю коленную чашечку, блокируя разрастающееся воспаление. Лиам замер. Обезболивающие, которые он нагло вы выпил дома, уже почти не справлялись, и этот холод был единственным, что сейчас приносило ему хоть какую-то осязаемую долю облегчения. На пару минут в кабинете воцарилась тяжелая, звенящая тишина, прерываемая лишь его хриплым, глубоким дыханием. Я поднялась, собираясь взять фиксирующий суппорт, как вдруг тишину кабинета разорвал резкий, настойчивый звонок.

На этот раз вибрировал телефон самого Лиамы, оставленный в кармане его куртки.

Лиам дернулся, словно от удара плетью. Он судорожно залез в карман, вытащил смартфон и посмотрел на экран.

В ту же секунду всё его упрямство, вся его ярость и высокомерие словно испарились. Его лицо, и без того бледное от боли, мгновенно потеряло последние капли цвета, став мертвенно-белым, почти прозрачным. Губы задрожали. Он смотрел на экран так, словно там был написан его смертный приговор.

— Лиам? — я сделала шаг к нему, почувствовав, как профессиональная отстраненность сменяется чистой тревогой. — Что случилось?

Он не ответил. Он быстро нажал кнопку приема, прижал телефон к уху и замер. Я слышала лишь неразборчивый, быстрый голос на том конце провода, который что-то взволнованно говорил.

Лиам не произнес ни слова. Он просто слушал, и с каждой секундой его глаза расширялись от какого-то невыносимого, сокрушительного горя. Из его пальцев едва не выпал телефон.

— Да... — наконец хрипло, едва слышно выдавил он. — Да, я понял. Я сейчас буду.

Он сбросил вызов и резко, полностью игнорируя адскую боль в колене и сбрасывая ледяной компресс на пол, спустил ноги с кушетки. Пакет со льдом со шлепком упал на плитку, но Лиаму было плевать.

— Эй, тебе нельзя вставать! — я попыталась удержать его за плечи, но он оттолкнул меня с такой силой, что я отлетела к медицинскому шкафу. В его движениях больше не было расчета — это был чистый, слепой адреналин.

— Мне нужно идти, — его голос прозвучал как шелест сухих листьев. В нем не осталось ничего от прежнего «Айса».

Он сделал шаг, его нога подкосилась, но он удержался за стену. Лиам двигался к выходу из кабинета, словно зомби, не замечая ничего вокруг. Его взгляд был устремлен в никуда.

— Моретти, остановись! — крикнула я вслед, бросаясь за ним.

Но он уже доковылял до двери. Лиам вышел в пустой коридор базы, резко потянул дверь на себя и с грохотом закрыл её прямо перед моим носом. Замок щелкнул.

Я осталась стоять посреди своего идеально чистого кабинета, тяжело дыша и глядя на закрытую дверь. На полу валялись разрезанные куски эластичного бинта, а на кушетке еще сохранилась вмятина от его огромного тела.

Внутри меня все сжалось от странного, нехорошего предчувствия. Паника в его глазах перед звонком не была связана с хоккеем. Что-то только что разрушило мир Лиамы Моретти до основания, и спорт здесь был совершенно ни при чем.

Глава 5 Лиам

Когда эта девчонка, Ева, бесцеремонно разрежала мой бинт и прижала к пылающему колену пакет со льдом, я готов был сдохнуть прямо на её безупречно чистой кушетке.

Холод сначала обжёг кожу миллионом раскалённых игл. Мышцы свело судорогой, и я до белизны суставов вцепился пальцами в кожаную обивку, едва сдерживая рвущийся наружу крик. Но Ева не отступила. Её ладонь — на удивление твёрдая и тёплая для такой хрупкой девушки — легла на моё бедро, заставляя зафиксировать ногу. «*Дыши, Моретти*», — сказала она тогда. И я дышал. Медленно, хрипло, уставившись в потолок, пока острая пульсация внутри сустава постепенно сменялась тупым, глухим онемением. Это не было исцелением, но этот лед стал первой передышкой в моём личном аду за последние дни. Я почти поверил, что смогу пережить этот день. Что смогу взять себя в руки.

А потом зазвонил телефон.

Тяжёлый, вибрирующий звук в кармане куртки показался мне громом среди ясного неба. Я вытащил трубку, ожидая увидеть имя отца или главного тренера, но на экране светился номер семейного врача нашей матери. Доктора Берга.

— Лиам... — его голос в трубке дрожал, и эта непривычная, пугающая интонация старого профессора мгновенно заставила меня похолодеть. Холод льда на колене больше не имел значения — меня прошиб ледяной пот изнутри. — Лиам, тебе нужно срочно приехать в Центральный онкологический госпиталь. Твоей матери стало плохо на процедурах. Мы получили финальные результаты биопсии.

Мир вокруг меня замер, а затем с грохотом обрушился. Воздух в кабинете физиотерапии стал слишком густым, я не мог сделать вдох.

— Что с ней? — мой собственный голос показался мне чужим, сорванным шелестом.

— Агрессивная форма карциномы, Лиам. Четвёртая стадия. Метастазы в лимфоузлах. Елена увядает слишком быстро, счёт идёт на месяцы... Приезжай. Она зовёт тебя.

Я не помню, как сбросил вызов. Не помню, как оттолкнул Еву, которая пыталась удержать меня за плечи, крича, что мне нельзя вставать. В ту секунду физическая боль в колене просто исчезла — её напрочь выжег слепой, первобытный ужас. Адреналин затопил вены до краёв. Я буквально выволок своё стокилограммовое тело из кабинета, таща за собой онемевшую ногу, и с грохотом захлокнул дверь, оставляя ошеломлённую девчонку позади.

Я бежал не от неё. Я бежал к единственному человеку на этой земле, который любил меня просто так, а не за фамилию или забытые голы. К маме.

Дорога до госпиталя стёрлась из памяти. Я вёл машину одной правой ногой, выжимая педаль газа в пол, игнорируя светофоры и сигналы других водителей. Перед глазами стоял густой туман. Каждое резкое движение руля отдавалось в левом колене глухим хрустом, но мне было плевать. Пусть оно сторит к чертям, пусть я никогда больше не встану на коньки. Только бы успеть.

В VIP-крыло онкологического центра я практически ворвался, тяжело хромая и хватаясь руками за гладкие стены коридора. Здесь пахло стерильностью, дорогими лекарствами и безысходностью.

Центральный онкологический госпиталь Бостона больше напоминал закрытый пятизвездочный отель для миллиардеров, чем место, где люди борются за каждый глоток воздуха. Он располагался в уединённом, престижном районе Бикон Хилл, скрытый от посторонних глаз за высокими коваными воротами и вековыми дубами. Настоящая крепость из матового стекла, полированного гранита и тишины. Здесь не было привычной больничной суеты, криков или очередей — только тихий шелест шин дорогих представительских седанов, паркующихся у парадного входа.

Внутри здание подавляло своей роскошью. Просторный вестибюль встретил меня высокими потолками, полами из белоснежного каррарского мрамора и мягким, рассеянным светом, который скрадывал любые тени. Вместо привычного и резкого запаха хлорки или спирта в воздухе пахло чем-то дорогим и едва уловимым — смесью эфирных масел лаванды, цитрусовых и свежести, которую генерировали скрытые климатические системы. Этот аромат был создан искусственно, чтобы богатые пациенты и их родственники могли напрочь забыть, где именно они находятся. Но меня этот запах не обманывал. Под слоем дорогого парфюма я отчетливо чувствовал липкий, едва заметный шлейф безысходности и страха.

Вип-крыло на третьем этаже, куда я поднялся, хромая и опираясь на стены, было погружено в пугающую, неестественную тишину. Мягкое ковровое покрытие полностью глушило звуки моих тяжелых шагов. Вдоль коридора тянулись двери из темного полированного дерева с латунными номерами. За этими матовыми стеклами лучшие онкологи страны, получающие миллионные гранты от фонда моего отца, ставили эксперименты над человеческими жизнями с помощью новейшего оборудования. Здесь все было спроектировано так, чтобы смерть выглядела эстетично и респектабельно. Но вся эта идеальная, стерильная чистота лишь подчеркивала, насколько беспомощны миллиарды Моретти перед тем, что выжигало мою мать изнутри.

У двери триста двенадцатой палаты я резко затормозил. Моё сердце готово было пробить грудную клетку. Но дорогу мне преградила высокая, монолитная фигура.

Отец.

Доминик Моретти стоял у матового стекла палаты, заложив руки за спину. На нём всё ещё был тот самый безупречный смокинг с утреннего благотворительного завтрака, но верхняя пуговица рубашки была расстёгнута, а дорогой галстук сдвинут набок. На его лице не было следов слёз. Только глубокие, жёсткие складки у рта и холодный, сосредоточенный прилавок.

— Ты опоздал, Лиам, — тихо, почти шёпотом произнёс он, даже не повернувшись в мою сторону.

— Как она? — я сделал шаг вперёд, чувствуя, как внутри всё сжимается от его ледяного тона. — Пусты меня к ней. Берг сказал...

— Берг сказал то, что должен был, — отец наконец развернулся ко мне лицом. Его серые глаза, точная копия моих собственных, были абсолютно сухими. В них светился голый, пугающий расчёт. — Она спит под сильными успокоительными. Ей ввели морфий. Но сейчас речь не о ней. Речь о тебе.

— Ты в своём уме?! — я сорвался на хриплый, яростный шёпот, подходя к нему вплотную и нависая над ним. — Там твоя жена! Моя мать! Она умирает от рака, а ты говоришь мне о себе?

— Именно о тебе, — Доминик резко вытянул руку и с силой упёрся ладонью в мою грудь, останавливая меня. Его голос оставался пугающе ровным, металлическим. — Послушай меня внимательно, Лиам. Смерть твоего деда Вито запустила процесс, который мы не имеем права остановить. Через две недели состоится историческое слияние «Моретти Девелопмент» с нью-йоркским консорциумом. Это миллиарды долларов. Это полная легализация нашего имени. Наша семья должна демонстрировать абсолютную стабильность и силу.

— Какая, к чёрту, стабильность?! Она умирает!

— И об этом никто не должен знать, — отец схватил меня за грудки куртки и резко притянул к себе, заставляя смотреть прямо в его зрачки. — Ни слова прессе о диагнозе Елены. Никаких траурных лиц, никаких упадочнических интервью. Репортёры не должны пронюхать, что семья спонсора и капитана «Брюинз» слабеет. Любой слух о болезни моей жены обрушит акции холдинга на бирже перед самой сделкой. Инвесторы испугаются нестабильности. Ты выйдешь сегодня на лед и сыграешь этот матч так, словно ты самый счастливый человек в Бостоне. Ты будешь улыбаться камерам. Ты меня понял?

Я смотрел на человека, который вырастил меня, и впервые чувствовал к нему не просто страх или обиду. Я чувствовал глухую, омерзительную ненависть. Для него увядающая в палате женщина была лишь строчкой в финансовом отчёте. Обузой, которая могла помешать его идеальной бизнес-сделке.

— А если я откажусь? — процедил я, чувствуя, как ногти впиваются в собственные ладони до крови. — Если я прямо сейчас выйду к репортёрам у входа и скажу правду? О том, кто мы такие. О том, что дед был убийцей, а ты — чудовище без души?

Доминик медленно отпустил мою куртку, аккуратно разгладил ладонями лацканы своего смокинга и посмотрел на меня с леденящей душу усмешкой.

— Тогда контракт Елены с ведущей онкологической клиникой Швейцарии, где её ждёт экспериментальное лечение, будет аннулирован сегодня в полночь, Лиам. И её личный фонд финансирования закроется. Я лично позабочусь о том, чтобы последние месяцы своей жизни она провела в обычной бесплатной больнице для бездомных на окраине штата. Без морфия и без ухода. Выбирай, сын. Твой бунт или её жизнь.

Мир вокруг меня окончательно превратился в пепел. Я стоял в тихом коридоре больницы, зажатый в самую страшную, глухую клетку в моей жизни. Моё колено пульсировало от адской боли, но сердце... сердце внутри меня только что окончательно превратилось в лёд.

Глава 6 Ева

Грохот захлопнувшейся двери ещё долго вибрировал в ушах, нарушая стерильную тишину моего кабинета.

Я стояла посреди комнаты, сжимая в руке холодный компресс, с которого на глянцевую плитку пола медленно капала вода. Тук. Тук. Тук. Звук казался оглушительным. Под ногами валялись обрезки эластичного бинта, а на белоснежной коже кушетки всё ещё темнела глубокая вмятина от массивного тела Лиамы Моретти.

Паника. Настоящая, дикая, первобытная паника — вот что я увидела в его серых глазах за секунду до того, как он вылетел в коридор, полностью игнорируя адскую боль в разрушенном суставе. Этот парень только что ушёл отсюда на одной ноге, ведомый чистым адреналином, и я, как медик, прекрасно понимала: как только действие этого гормонального коктейля закончится, боль свалит его с ног прямо там, где его застанет.

— Упрямый, сумасшедший идиот, — тихо выдохнула я, швырнув растаявший пакет со льдом в раковину.

Мои пальцы дрожали, когда я поднимала с пола свой медицинский планшет. Первым порывом было выполнить свою угрозу — набрать номер доктора Томаса и заявить, что капитан команды непригоден для игры. Но что-то меня остановило. Лицо Лиама, когда он смотрел на экран мобильного... оно не просто побелело. Оно стало мертвенным. Это не был звонок от тренера или наглого агента. В ту секунду на него обрушилось что-то личное. Что-то, что заставило «Айса» — парня, которого весь Бостон считал бесчувственным каменным изваянием — буквально сломаться на моих глазах.

Остаток дня прошёл как в тумане. Работа в клубе Национальной хоккейной лиги напоминала безумный конвейер, и у меня просто не было времени на собственные мысли. С двух часов дня в кабинет начали один за другим заходить игроки основного состава. Нападающие, защитники, тафгаи — огромные, шумные мужчины, от которых пахло дезодорантами и изнурительными тренировками.

Я тейпировала разбитые запястья, накладывала фиксирующие повязки на растянутые лодыжки, настраивала аппараты ультразвуковой терапии для парней из второго звена. Я улыбалась, отвечала на их дежурные шутки, держала профессиональную дистанцию, но мои мысли то и дело возвращались к пустой вип-ложе, где на вечерней игре должен был восседать Доминик Моретти, и к его сыну, который бесследно исчез с территории базы.

Ни на предматчевом обеде, ни на короткой раскатке Лиама не было. Парни в раздевалке начали шептаться, а главный тренер на ходу бросил доктору Томасу, что Моретти-младший «задерживается по семейным обстоятельствам, но обещал быть к началу игры». Томас лишь хмурился и нервно перебирал бумаги. Я молчала. Моя профессиональная этика требовала кричать о травме, но внутренний голос упрямо заставлял меня ждать.

К семи часам вечера стадион за стенами медицинского блока начал оживать. Сквозь толстые бетонные перекрытия доносился нарастающий, глухой гул прибывающей толпы. Двадцать тысяч болельщиков заполняли трибуны «ТД-Гарден». Из коридора пахло попкорном, пивом и предвкушением большой игры. До стартового вбрасывания оставалось меньше часа. Парни уже надевали тяжелые нагрудники и затягивали коньки.

Когда последний защитник покинул мой кабинет, я закрыла шкаф с медикаментами и тяжело опёрлась на край стола. Спина невыносимо затекла, а в висках зарождалась тупая головная боль. Именно в этот момент замок на двери негромко щёлкнул. Я внутренне подобралась, готовая увидеть Лиама, но на пороге показалась плотная фигура доктора Томаса.

— Ну как ты тут, Ева? Закончила с приёмом? — он добродушно улыбнулся, проходя вглубь кабинета и внимательно осматривая идеальные ряды мазей и тейпов. — Вижу, у тебя тут

хирургическая точность. Харрис не врал, когда говорил, что ты маниакально предана порядку. Всё в порядке после первого дня? Никаких эксцессов?

— Всё хорошо, доктор Томас, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более буднично. Я незаметно переложила планшет, загораживая собой рабочий стол.

— Отлично. Я просто зашёл проверить, как ты справляешься перед игрой, — Томас остановился у кушетки, заложив руки в карманы белого халата. Его усталые глаза потеплели. — Знаешь, Ева, я ведь очень рисковал, подписывая твой контракт. Наш генеральный менеджер хотел взять проверенного парня из футбольной лиги, а я настоял на твоей кандидатуре. Я буквально поставил свою репутацию на кон перед советом директоров, заявив, что твоя методика — это будущее нашего медицинского штаба. Ты под моим бдительным контролем первые недели, руководство смотрит во все глаза. Так что не подведи меня, ладно? Если возникнут проблемы с кем-то из звёзд — сразу говори мне.

Он ещё раз ободряюще улыбнулся мне и направился к выходу, а внутри меня в эту секунду разверзлась настоящая бездна.

Когда дверь за главным врачом закрылась, я едва не осела на пол. Пальцы, сжимающие край стола, заledenели. В голове со свистом закрутились мысли, одна хуже другой. Я оказалась в тисках жестокой дилеммы. Томас поверил в меня. Он взял на себя огромную, колоссальную ответственность, пригласив двадцатилетнюю девчонку в команду стоимостью в сотни миллионов долларов. Промолчать сейчас о том, что капитан команды и сын главного спонсора днём прижимал лёд к разорванному колену и ушёл в полубессознательном состоянии — это чистой воды должностное преступление. Я подставляла человека, который подарил мне путёвку в жизнь. Если Лиам вернётся, выйдет на лёд и рухнет во втором периоде, Томаса уволят с позором за то, что его штаб допустил калеку к игре.

Но с другой стороны... перед глазами стояло бледное, загнанное лицо Лиамы. Паника в его глазах, когда он смотрел на экран телефона. Я подсознательно чувствовала: если я сейчас наберу Томаса и выложу всю правду, Лиамы официально снимут с матча. Его снимут с пробега. И этим звонком я окончательно затяну петлю на шее парня, который и так находился на грани ментального срыва. Рассказав правду, я защищу себя и Томаса, но предам Лиаму в тот момент, когда его мир, судя по всему, разлетелся на куски.

Я мучительно зажмурилась, пытаюсь унять дрожь. Часы на стене неумолимо отсчитывали минуты до начала игры. Каждое решение вело к катастрофе. После минуты тяжелейшей внутренней борьбы я сделала глубокий вдох. Кости были брошены. Я решила молчать. По крайней мере, до тех пор, пока игра не начнётся.

Мне нужно было побывать в тишине хотя бы десять минут, перед тем как занять свое место на скамейке запасных рядом с Томасом. Я вышла в коридор, сделала короткий круг по подтрибунным помещениям, вдыхая прохладный воздух, и вернулась назад. Я толкнула тяжелую деревянную дверь своего кабинета и шагнула внутрь, собираясь просто упасть в кресло.

Но замерла прямо на пороге, так и не опустив руку с дверной ручки.

В комнате горел лишь один настенный бра, заливая пространство мягким, янтарным светом. И прямо там, в этом полумраке, на краю анатомической кушетки сидел Лиам.

На нём уже была нижняя часть хоккейной экипировки — тяжелые щитки, трусы и гетры, но коньки лежали рядом на полу. Верхняя часть его тела была обтянута лишь черным компрессионным нательным бельем. Он сидел, низко опустив голову, уперевшись локтями в колени и запустив пальцы в растрепанные, влажные темные волосы. Его плечи мелко, едва заметно вздрагивали от тяжелого дыхания.

При звуке моих шагов он медленно, словно через силу, поднял голову.

Внутри меня всё похолодело. Это был больше не тот высокомерный, агрессивный «Айс», который несколько часов назад пытался продавить меня своим авторитетом и деньгами отца. Перед глазами стоял абсолютно сломленный, растоптанный человек. Его лицо было бледным,

под глазами залегли глубокие черные тени, а в серых глазах, растерявших всю свою прежнюю спесь, застыло такое невыносимое, концентрированное горе, что у меня перехватило дыхание. Левая нога в хоккейном гетре лежала неестественно ровно — адреналин ушел, и теперь боль сжирала его заживо.

Он посмотрел на меня долгим, умоляющим взглядом. В этом взгляде была вся его гордость, брошенная к моим наутюженным медицинским туфлям.

Лиам сглотнул, его бледные губы разомкнулись, и из груди вырвался глухой, хриплый, почти детский шепот:

— Помоги мне.

Глава 7 Лиам

Просить о помощи — это все равно что добровольно встать под колеса мчащегося грузовика. Вся моя жизнь, от жестких уроков деда до ледяных ультиматумов отца, строилась на одном правиле: показал слабость — тебя сожрали. Моретти не просят. Моретти берут сами.

Но сейчас, сидя на краю кушетки в полумраке этого стерильного кабинета, я чувствовал себя побитым псом. Гордость, статус суперзвезды НХЛ, миллионы на счетах — все это превратилось в бесполезный мусор. На кону стояла жизнь моей матери, и ради нее я был готов разбить свое лицо о каменный пол, если бы это помогло.

Ева стояла в дверях, не выпуская из рук ручку. В янтарном свете настенного бра ее лицо казалось застывшей маской. Она не кричала, не звала охрану, но ее плечи под темно-синей медицинской курткой напряглись. В ее глазах, устремленных на меня, читалась сложная смесь из чисто профессионального гнева и какого-то глубокого, чисто человеческого потрясения.

— Ты вернулся, — тихо, почти шепотом произнесла она. Это был не вопрос. Констатация факта.

— Мне больше некуда идти, — я с трудом сглотнул, чувствуя, как в горле словно застрял кусок битого стекла.

Каждое слово давалось с трудом. Без адреналина, который гнал меня из госпиталя обратно на арену, боль в колене превратилась в сущую пытку. Сустав внутри хоккейного гетра раздулся так, что ткань натянулась до предела. Мне казалось, что туда залили кипящий свинец. Но эта боль была ничем по сравнению с тем ледяным омутом, который затапливал мои легкие изнутри при мысли о маме.

Ева медленно закрыла дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел в тишине. Она сделала несколько шагов ко мне, остановившись на безопасном расстоянии, и скрестила руки на груди.

— Лиам, ты в зеркало себя видел? — ее голос, вопреки всему, звучал мягко, но в нем звенела сталь. — Ты бледный как покойник. Твое колено разрушено. До стартового вбрасывания сорок минут. Какая, к черту, помощь? Я должна прямо сейчас позвать Томаса.

— Не надо Томаса, — я резко вскинул голову, и, должно быть, в моем взгляде было что-то такое, отчего она невольно сделала шаг назад. Я судорожно вцепился пальцами в плотную ткань своих хоккейных шорт. — Пожалуйста, Ева. Не надо Томаса. И никого из руководства. Если они узнают... мне конец.

— Тебе и так конец, Моретти! — она наконец не выдержала, и в ее голосе прорвались эмоции. Она подошла ближе, указывая на мою вытянутую ногу. — Ты не сможешь сделать ни одного шага на льду. Ты упадешь на раскатке! Зачем ты это делаешь? Ради чего? Ради дурацкой игры? Ради амбиций твоего отца-миллиардера, который хочет видеть красивую картинку в телевизоре?

— Моя мать умирает, — выдохнул я.

Эти три слова повисли в воздухе кабинета, тяжелые, как могильная плита.

Ева осеклась на полуслове. Ее рука, поднятая в жесте возмущения, медленно опустилась. Она вздрогнула, внимательно глядя в мое лицо, словно пыталась понять, не брежу ли я от боли и таблеток.

— Что?.. — едва слышно переспросила она.

— Четвертая стадия. Карцинома. Метастазы, — я говорил отрывисто, глядя в пол между своих коленей, потому что если бы я посмотрел ей в глаза, я бы окончательно сломался. — Тот звонок... это был Берг, ее лечащий врач. Я только что из госпиталя. Она на морфии. Ей осталось всего несколько месяцев, Ева. Слышишь? Несколько месяцев.

Кабинет погрузился в оглушительную, давящую тишину. Ева молчала, но я физически чувствовал, как меняется атмосфера вокруг нас. Весь ее гнев физиотерапевта, столкнувшегося с упрямым звездным игроком, испарился, уступая место тяжелому, медицинскому пониманию трагедии.

— Мне жаль, Лиам... — тихо сказала она, и в ее голосе впервые прозвучало искреннее сострадание. — Мне правда очень жаль. Но... если она в госпитале, почему ты здесь? Почему ты не с ней? Зачем ты надел форму?

Я издал короткий, горький смешок, который больше походил на хрип раненого зверя.

— Потому что мой отец — чудовище, — я поднял глаза, и в них, помимо слез боли, горела чистая, первобытная ненависть к Доминику Моретти. — Он перехватил меня в коридоре. Знаешь, о чем он думал, пока его жена увядала за стеклом палаты? О слиянии компаний. О сумасшедших миллиардах. О легализации нашего грязного имени. Он заявил, что если пресса узнает о болезни мамы, акции холдинга рухнут. Инвесторы испугаются нестабильности в семье.

Ева слушала меня, приоткрыв рот от шока. На ее бледном лице отразилось глубокое омерзение.

— Он поставил мне ультиматум, — продолжал я, сжимая кулаки так, что ногти вонзились в ладони. — Я должен выйти сегодня на лед. Отыграть эти чертовы три периода. Улыбаться камерам. Демонстрировать, что у Моретти все идеально. Если я откажусь... если я сорвусь или устрою скандал, он аннулирует ее контракт с онкологическим центром в Швейцарии. Он закроет финансирование ее экспериментального лечения. Он переведет ее в бесплатный хоспис на окраине, где ее оставят умирать в грязи без единого укола обезболивающего. Он буквально держит ее жизнь в заложниках, Ева. Чтобы наказать меня. Чтобы заставить меня подчиниться.

Я подался вперед, преодолевая вспышку боли в суставе, и посмотрел на нее снизу вверх — умоляюще, отчаянно.

— У меня нет выбора. Я должен выйти на этот лед. Мне наплевать на мою ногу. Пусть я стану инвалидом, пусть я больше никогда не смогу ходить, мне плевать на НХЛ! Но я не позволю ему мучить мою мать. Сделай мне блокаду, Ева. У тебя есть ключи от шкафа. Вколи мне то, что полностью отключит эту чертову ногу на два часа. Убей в ней всю чувствительность. Пожалуйста... спаси мою маму.

Я подался еще ближе к ней, преодолевая очередную судорогу в бедре. Каждая секунда промедления приближала сирену на раскатку, а значит, и мой полный провал на глазах у тысяч камер.

— Я не прошу тебя скрывать это вечно, Ева, — мой голос сорвался на хриплый, отчаянный шёпот. Я смотрел на неё, пытаюсь отыскать в её глазах хотя бы искру понимания. — Просто дай мне пережить эти три периода. Всего два часа. Клянусь тебе всем, что у меня осталось: как только прозвучит финальная сирена, я уйду со льда прямо сюда. Никаких интервью, никакого душа, никаких празднований. Я приду обратно в этот кабинет. Сразу к тебе.

Ева молчала, её взгляд метался по моему лицу, словно она пыталась взвесить тяжесть моего обещания.

— Ты позволишь мне осмотреть тебя? — тихо, с глубоким недоверием спросила она. — Без споров? Без твоего фирменного высокомерия?

— Да, — выдохнул я, готовый подписать любой контракт в этой жизни. — Делай со мной всё, что считаешь нужным. Запри меня в госпитале, вызывай Томаса, вези на МРТ, сдавай меня тренеру. Я не издам ни звука. Я буду идеальным, покорным пациентом. Но сейчас... умоляю тебя, помоги мне сделать этот шаг на лёд.

Глава 8 Ева

В медицинском колледже нас учили многому: анатомии, биомеханике, врачебной этике и непоколебимому правилу «Не навреди». Но ни один профессор, ни один учебник в мире не готовил меня к тому, что делать, когда перед тобой на кушетке сидит сломленный стокилограммовый мужчина, чью мать буквально держат в заложниках, используя её жизнь как разменную монету в миллиардной сделке.

Я смотрела на Лиама, и внутри меня всё выло от ужаса и несправедливости. Его обещание вернуться сразу после матча звучало искренне, в его глазах больше не было спеси — только голая, кровоточащая рана. Мой разум профессионала кричал: *«Остановись! Вызови охрану, намери Томаса, это преступление!»*. Промолчав и сделав укол, я шла на осознанное должностное преступление. Я подставляла доктора Томаса, который поверил в меня. Я ставила под удар свою карьеру, которую строила годами, по крупницам вырывая право на лучшую жизнь из нищеты Южного Бостона. Если его колено разлетится во втором периоде, виновата буду я.

Но если я откажусь... если я проявлю холодную, медицинскую жесткость, я стану соучастницей того чудовищного плана, который срежиссировал Доминик Моретти. Я лично отправлю его умирающую мать в грязный хоспис без капли морфия.

Я вспомнила своего брата Дэнни. Вспомнила то гнетущее бессилие, когда система и равнодушные врачи ломали его судьбу, а я ничего не могла сделать, потому что у нас не было денег. Сейчас у Лиама были миллиарды, но он был точно так же беспомощен перед лицом жестокости собственного отца.

«К черту правила», — подумала я, и это была самая опасная мысль в моей жизни. Логика и порядок, которые я так маниакально выстраивала вокруг себя, с треском проиграли простому человеческому состраданию.

— Если ты соврешь мне, Моретти, и не придешь сюда после сирены, я лично найду способ уничтожить твою карьеру, — тихо, но с леденящей душу уверенностью произнесла я.

Лиам лишь слабо кивнул, в его глазах промелькнула слабая, едва заметная вспышка благодарности.

Я развернулась к медицинскому шкафу, достала из кармана связку ключей и твердой рукой открыла стеклянную дверцу. Мои движения стали автоматическими, быстрыми и точными. Я вытащила три ампулы мощного анестетика локального действия — жесткого спортивного блокатора, который полностью отключал нервные окончания сустава, — и одноразовый шприц с длинной иглой.

Сквозь стены кабинета донесся мощный, глухой рев трибун. Команда соперника выходила на раскатку. Время истекало.

— Снимай гетр, — скомандовала я, подходя к кушетке.

Лиам аккуратно стянул плотную ткань. Его колено выглядело ужасно: сустав деформировался от сильного отека, кожа была натянутой, багрово-красной и горячей. Я надела стерильные перчатки, вскрыла ампулы и набрала прозрачную жидкость в шприц. Каждая капля этого лекарства сейчас была его спасением и его проклятием одновременно. Блокада уберет боль, но она лишит его тело сигналов опасности. Он не почувствует, если связка порвется окончательно, уничтожая сустав изнутри.

Я обработала кожу Лиама спиртовой салфеткой. На морозном воздухе кабинета отчетливо пахло антисептиком.

— Будет сильно давить. Не смей дергаться, — предупредила я, аккуратно нащупывая пальцами точку чуть ниже коленной чашечки, чтобы попасть точно в суставную капсулу.

— Коли, — глухо бросил он, отворачиваясь к стене и сильно сжимая зубы.

Я плавно, но решительно вонзила длинную иглу глубоко в сустав. Лиам резко втянул воздух через нос, его мощные грудные мышцы напряглись, а пальцы с такой силой впились в край кушетки, что стальной каркас жалобно скрипнул. Я медленно ввела лекарство. Раствор заполнял воспаленные ткани, вытесняя невыносимую боль искусственным, мертвым онемением. Я извлекла шприц, прижала к месту укола стерильный тампон и быстро наложила легкую фиксирующую повязку.

— Всё, — я выкинула шприц в контейнер для медицинских отходов и сняла перчатки. Мои руки слегка подрагивали от осознания того, что я только что совершила. — Через пять минут ты перестанешь чувствовать левую ногу ниже бедра. Ты сможешь ходить ровно и даже стоять на коньках. Но помни, Лиам: твоё колено держится на честном слове. Никаких жестких стыков у бортов. Никаких резких торможений на левую сторону, если это возможно. Отыграй свои минуты, покажись камерам и уходи.

Лиам медленно спустил ноги с кушетки. Он осторожно наступил на левую ногу, проверяя ощущения. На его лице впервые за весь день появилось подобие облегчения — боль, терзавшая его с трех часов ночи, стремительно отступала, уступая место тяжелой, искусственной заморозке. Он поднялся во весь свой огромный рост, обулся в коньки и затянул шнурки мертвой хваткой.

Он подошел к двери, на секунду остановился и обернулся через плечо. Его серые глаза смотрели на меня уже по-другому. В них больше не было холода «Айса».

— Спасибо, Ева, — тихо произнес он. — Я сдержу свое слово. Жди меня сразу после матча.

Дверь закрылась, и я осталась одна в полумраке, слушая, как его коньки глухо стучат по резиновому покрытию коридора, унося его на лед, навстречу двадцати тысячам фанатов и фокусу телекамер его отца.

Я сделала глубокий вдох, понимая, что обратного пути нет. Часы на стене показывали, что до начала первого периода осталось ровно пятнадцать минут. Мне пора было занимать свое место на скамейке запасных и молиться, чтобы этот парень вернулся ко мне живым.

Часть 2

Глава 9 Ева

Рев двадцати тысяч глоток на арене «ТД-Гарден» не просто оглушал — он физически вибрировал в грудной клетке, отдавая тяжелыми ударами под ребрами. Из-под сводов стадиона гремела тяжелая рок-музыка, под потолком вспыхивали лазерные огни, слепящие глаза, а в воздухе стоял густой, почти осязаемый запах попкорна, разлитого пива, машинного масла от заливочных машин и того самого, пронзительного ледяного холода, который теперь казался мне предвестником катастрофы.

Я сидела на скамейке запасных, зажата между массивным плечом доктора Томаса и огромными пластиковыми баулами с запасной экипировкой. На мне был медицинский пуховик клуба, но меня все равно била крупная, неуправляемая дрожь. И дело было вовсе не в холоде, поднимающемся от площадки.

Мои ладони, спрятанные в карманах, были ледяными, а пальцы до судорог сжимали медицинский планшет. На его экране светился электронный протокол матча, но я не видела букв. Перед глазами стоял пустой шприц, брошенный мной в контейнер для отходов всего пятнадцать минут назад.

«Что я наделала? О господи, что я наделала?» — эта мысль пульсировала в моей голове в такт ударам трибун.

Я, Ева Кларк, дипломированный специалист, которая всю жизнь положила на то, чтобы вырваться из нищеты Южного Бостона благодаря своим знаниям, только что перечеркнула всё.

Перед глазами ядовитым неоновым светом вспыхнули воспоминания, от которых я так отчаянно бежала последние годы. Южный Бостон. Наш старый, покосившийся дом у портовых доков, где из щелей в стенах зимой дул ледяной атлантический ветер, а на кухне вечно пахло сыростью и дешевыми консервированными бобами. Я помнила, как в одиннадцать лет сидела на засаленном матрасе под тремя слоями дырявых одеял, пытаюсь согреть пальцы дыханием. В тот год у отца не было денег, чтобы оплатить счета за отопление, и коммунальная служба просто перекрыла нам газ посреди январских морозов. Мама тогда тихо плакала в подушку на кухне, а отец до крови сбивал кулаки о стену в коридоре от собственного бессилия.

В Южном Бостоне у девчонки вроде меня было всего два пути: либо выйти замуж за местного разнорабочего со склонностью к выпивке и погрязнуть в бесконечных долгах, либо связаться с парнями из портовых банд, как это сделал мой брат Дэнни, и закончить жизнь на кладбище или за решеткой. Но я выбрала третий путь. Упрямый, невозможный. Путь через книги.

Я засыпала и просыпалась с медицинскими справочниками. Пока мои ровесники тусовались на грязных углах улиц и пили дешевое пиво, я учила латынь и зубрила схемы мышечных волокон под тусклым светом копеечной настольной лампы. Мои пальцы вечно были испачканы чернилами, а глаза слезились от усталости. Когда я поступила в медицинский колледж на полную стипендию, соседи смотрели на меня как на чудо. Мой диплом, моя лицензия физиотерапевта — это были не просто документы в рамочке. Это были мои билеты на свободу. Моя гарантия того, что я больше никогда в жизни не проснусь от собачьего холода в пустой комнате и не буду судорожно считать центы в кармане, чтобы купить буханку хлеба.

И вот теперь, сидя на этой роскошной, пахнущей миллионами скамейке запасных, я физически ощущала, как этот выстраданный билет на свободу медленно превращается в пепел между моих пальцев.

Я пошла на должностное преступление. Нарушила медицинский протокол. Я ввела максимальную дозу жесткого блокатора в разрушенный сустав главной звезды франшизы. Мой взгляд непроизвольно метнулся чуть левее, туда, где на высоком стуле у бортика сидел доктор Томас. Он нервно жевал мятную жвачку, листал какие-то распечатки и периодически выкрикивал слова поддержки парням. Он выглядел уставшим, но спокойным. Он доверял мне. Он поручился за меня перед владельцами клуба. А я сидела в трех десятках сантиметров от него и трусливо молчала, зная, что прямо сейчас на льду находится парень, чье колено держится исключительно на химической иллюзии благополучия.

Если Лиам рухнет... Если его сустав вывернется в другую сторону во время силового приема... Томаса уничтожат. Его тридцатилетняя карьера будет похоронена под лавиной судебных исков и разбирательств. А меня лишат лицензии и, возможно, отправят под суд.

Я заставила себя поднять голову и посмотреть вверх, на противоположную сторону арены. Там, на уровне третьего яруса, за бронированным стеклом роскошной VIP-ложи, залитой мягким теплым светом, сидели люди в дорогих костюмах. Мне не нужно было бинокля, чтобы узнать силуэт мужчины, стоявшего у самого края стекла с бокалом в руке. Доминик Моретти. Отсюда он казался крошечным, но его присутствие давило на всю арену не хуже многотонных бетонных перекрытий. На его лице, отражающемся в стекле, играла легкая, едва заметная, сытая улыбка. Он общался с инвесторами из Нью-Йорка, изредка небрежно указывая рукой на лед. Он выиграл. Он прогнул под себя весь мир, включая собственного сына. Ему было плевать на рак жены, плевать на здоровье Лиама. Главное — акции его холдинга завтра утром откроются с ростом в несколько пунктов. Из-за его амбиций мы все сейчас сидели на пороховой бочке.

Раздался резкий, оглушительный свисток арбитра. Судья зафиксировал шайбу в центральном круге. Начинался первый период.

— Погнали, парни! — проревел Томас, хлопая в ладони. — Покажем им Бостон!

Я затаила дыхание, когда игроки стартовой пятерки перемахнули через бортик. Номер девяносто один. Лиам Моретти.

Когда его коньки коснулись льда, сердце у меня в груди, казалось, вообще перестало биться. Я подалась вперед, вцепляясь пальцами в холодное деревянное ограждение скамейки запасных.

Лиам двигался идеально. Блокада сработала на все сто процентов. Его мощная, размашистая походка на коньках выглядела безупречно. Он сделал несколько быстрых кругов по своей зоне, закладывая крутые виражи, и со стороны никто — ни главный тренер, ни доктор Томас, ни дотошные спортивные комментаторы в ложе прессы — не смог бы заподозрить, что этот стокилограммовый атлет еще полчаса назад буквально скулил от боли на моей кушетке. Он двигался плавно, уверенно, как настоящий хищник, вернувшийся в родную стихию. Его прозвище «Айс» подходило ему как никогда: лицо под прозрачным визором шлема было абсолютно неподвижным, словно высеченным из гранита. Ни единой эмоции. Полная, пугающая отрешенность от внешнего мира.

Но я была врачом. И я знала, куда смотреть.

Пока трибуны взрывались ревом при каждом его касании шайбы, я впивалась взглядом в его левую ногу. Лиам играл на чистом, слепом профессионализме и мышечной памяти. Но биомеханику обмануть невозможно. При резком старте со вбрасывания он неуловимо, на долю секунды дольше задерживал толчок правой, здоровой ногой, подсознательно щадя левую. Когда он закладывал вираж влево, его корпус наклонялся под чуть более острым углом, чем обычно — он переносил центр тяжести, чтобы минимизировать нагрузку на заблокированный сустав.

Для всех остальных это была агрессивная, скоростная игра. Для меня — это был смертельный танец на краю пропасти. Блокада отключила болевые рецепторы, но она не восстано-

вила порванные волокна связок. Сейчас его колено было нестабильно. Любой неожиданный толчок, любая ямка на льду или жесткий стык — и сустав просто вылетит из сумки, разрывая остатки тканей, сосуды и нервы.

— Отличный проход, Моретти! — закричал тренер, когда Лиам на бешеной скорости обошел защитника у борта и сделал опасный прострел на пятак.

Трибуны взревели. Защитник команды соперника — огромный, бородатый тафгай под два метра роста — недовольно выругался и на полной скорости пошел на Лиаму вдогонку.

Я физически почувствовала, как у меня перехватило дыхание, а к горлу подступила тошнота. Тафгай шел на силовой прием. Он собирался впечатать Лиаму в заградительное стекло прямо напротив нашей скамейки.

— Лиам, уходи... — прошептала я одними губами, чувствуя, как ногти до боли вонзаются в ладони.

Времени на маневр не оставалось. Лиам спиной почувствовал приближение угрозы. В последнюю секунду перед ударом он должен был сгруппироваться и принять толчок на левое бедро. Но если бы он это сделал, сустав бы просто не выдержал колоссального давления двух стокилограммовых тел.

Каким-то чудом, в самый момент столкновения, Лиам успел неуловимым движением скользнуть корпусом вниз, пропуская тафгая чуть выше себя. Раздался страшный, оглушительный грохот — защитник соперника со всей дури врезался в пластиковый борт, отчего защитное стекло над нами жалобно затрещало и выгнулось. Лиам отлетел в сторону, потерял равновесие и жестко упал на лед, прокатившись на спине несколько метров.

Я наполовину сорвалась со скамейки, готовая бежать на площадку с реанимационным чемоданом. Доктор Томас тоже подался вперед, напряженно всматриваясь в лежащего игрока.

Секунда. Две. Три. Они казались мне вечностью. Вечностью, за которую перед моими глазами пронеслась вся моя жизнь, суд, позор и лицо Дэнни в тюремной робе.

Но Лиам Моретти поднялся. Медленно, опираясь на клюшку, он встал на оба конька. Он встряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, и как ни в чем не бывало покатился в сторону нашей скамейки — его смена подошла к концу.

Когда он перемахнул через борт и тяжело опустился на деревянное сиденье в паре метров от меня, от него шёл густой пар. Он тяжело, хрипло дышал, грудная клетка ходила ходуном. Под шлемом его лицо было мокрым от пота, а кожа отливала серостью.

Лиам откинул голову назад, прислонившись к стене, и на секунду закрыл глаза. На его левой ноге, прямо под хоккейными шортами, повязка, которую я наложила, слегка сместилась от падения.

Я сделала глубокий, судорожный вдох, понимая, что это был только первый период. Впереди было еще сорок минут этого кошмара. И у меня не было никакой гарантии, что в следующем периоде удача окажется на нашей стороне.

Глава 10 Лиам

Когда прозвучала сирена, известившая об окончании первого периода, я едва сдержал судорожный, рвущий легкие выдох облегчения. Двадцать минут на льду показались мне вечностью. Двадцать минут тотального, изнуряющего самоконтроля под прицелом десятков телекамер и тяжелого, оценивающего взгляда отца из правительственной ложи.

Я поднялся со скамейки запасных одним из последних. Нога больше не болела. Точнее, я *знал*, что она должна адски болеть, но вместо этого левая сторона моего тела ниже бедра превратилась в глухой, чужеродный кусок замороженного мяса. Блокада, которую ввела Ева, сработала слишком хорошо. Чертовски хорошо.

Перешагивая через бортик, я едва не потерял равновесие. Моя левая стопа в жестком хоккейном коньке практически не посылала сигналов в мозг. Я не чувствовал лезвия. Не чувствовал плотности льда под собой. Я катился по резиновой дорожке подтрибунного коридора вслед за парнями, ориентируясь исключительно на визуальную память и мышечный автоматизм здоровой правой ноги. Это было похоже на попытку управлять гоночным болидом, у которого полностью отключили обратную связь на руле. Один неверный наклон корпуса — и я полечу на бетон.

В раздевалке стоял невообразимый гул. Парни тяжело дышали, сбрасывали краги, жадно пили воду из пластиковых бутылок. Пахло потом, разогревающими мазями и сырой экипировкой. Наш тафгай Бобби, который в первом периоде едва не размазал защитника соперников о борт, громко матерился, обсуждая судейство.

— Эй, Айс, отличный проход в середине периода! — крикнул мне наш центрфорвард, швыряя мне полотенце. — Ты сегодня злой, как черт. Так держать, додавим этих ублюдков во втором!

— Да, — глухо бросил я, натягивая полотенце на голову, чтобы скрыть капли холодного пота, градом катившиеся по лицу. — Додавим.

Я прошел в самый дальний, угловой сектор раздевалки, где находилось мое именное место. Опустившись на деревянную скамью, я откинулся затылком на мягкую обивку стены и закрыл глаза. Внутри черепной коробки нарастала глухая, тяжелая пульсация. Адреналин, который гнал меня из онкологической клиники обратно на стадион, стремительно испарялся, оставляя после себя лишь выжженную пустыню и липкий, удушающий страх за маму.

Перед глазами до сих пор стояло лицо отца. Его безупречный смокинг. Его ледяной, расчетливый голос, лишающий мою мать последнего шанса на спасение в Швейцарии, если я посмею проявить слабость. Чудовище. Человек без сердца и души, который отмывал свои грязные мафиозные деньги ценой жизней собственной семьи. Я сжал кулаки так, что кожа на костяшках натянулась до белизны. Я отыграю этот матч. Отыграю, даже если это колено станет последним, что у меня осталось.

Дверь раздевалки с тихим стуком отворилась. Я приоткрыл один глаз.

В помещение вошел медицинский штаб — доктор Томас и она. Ева.

На ней был все тот же темно-синий пуховик с символикой клуба. Она шла чуть позади Томаса, держа в руках коробку с тейпами и фиксирующими повязками. Ее каштановые волосы по-прежнему были стянуты в тугий хвост, но лицо казалось бледным, а под глазами залегли едва заметные тени. Она выглядела так, словно сама только что отыграла тяжелейший период на льду. Ее взгляд сразу же, минуя остальных парней, безошибочно нашел меня в углу.

В ее глазах не было жалости. В них было жесткое, напряженное ожидание. Она ждала, что я выполню свою часть сделки и не сдохну прямо здесь.

Доктор Томас подошел к нашему первому звену, осматривая ушибленное плечо защитника. Ева послушно подавала ему материалы, но я видел, как ее пальцы судорожно сжимали

пластиковую упаковку с бинтами. Она была на грани. Промолчать перед Томасом о моей травме — для нее это было равносильно карьерному самоубийству. Я физически чувствовал, какое колоссальное давление она сейчас испытывает из-за меня. Из-за моей сумасшедшей семейной драмы.

Я дождался, пока главный тренер встанет у тактической доски и начнет громко чертить маркером схемы раската во втором периоде, привлекая к себе внимание всей команды. В раздевалке воцарилась относительная тишина, нарушаемая только скрипом маркера и тяжелым дыханием парней.

Я осторожно поднялся со своего места. Нога была абсолютно чужой. Мне пришлось сделать глубокий вдох, чтобы заставить свое тело двигаться ровно. Хватаясь рукой за крючки для одежды, я медленно двинулся к выходу из раздевалки. Ева заметила мое движение мгновенно. Она переглянулась с доктором Томасом, что-то тихо шепнула ему, указывая на свою медицинскую сумку, и двинулась следом за мной.

Я вышел в узкий, полутемный технический коридор, ведущий к сушилкам и складским помещениям. Здесь не было камер и репортеров, пахло резиной и чистящими средствами. Я отошел в самый дальний угол под навес массивных вентиляционных труб и тяжело прислонился спиной к прохладной бетонной стене. Левая нога висела плетью.

Через секунду из-за поворота появилась Ева. Она быстро подошла ко мне, резко остановилась в полуметре и скрестила руки на груди.

— Ты сумасшедший, Моретти, — выдохнула она, и в ее тихом шепоте звенела неподдельная ярость, смешанная со страхом. — Ты видел, как тебя впечатали в борт в конце периода? У меня сердце чуть не остановилось. Если бы ты не успел уйти вниз корпуса, твой сустав вылетел бы прямо через кожу.

— Я успел, — глухо ответил я, не открывая глаз. Силы стремительно покидали меня. — Я контролирую ситуацию.

— Ничего ты не контролируешь! — она сделала шаг еще ближе, и я почувствовал тонкий, чистый запах аптечной ромашки, который исходил от ее одежды. Этот запах почему-то подействовал на мой воспаленный мозг отрезвляюще. — Посмотри на свои зрачки, они расширены от химического шока. Как твоя нога? Говори правду.

Я открыл глаза и посмотрел на нее сверху вниз.

— Я перестану чувствовать стопу, Ева. Блокада пошла ниже. Я не чувствую лезвия конька.

Ева резко побледнела. Она протянула руку, хватая меня за лацкан спортивной куртки, и притянула к себе.

— О господи... Лиам, это потеря проприоцепции. Нервная проводимость заблокирована слишком сильно. Если ты выйдешь во втором периоде без чувствительности стопы, ты просто поймешь передний кант конька при первом же ускорении и сломаешь себе шею! Ты понимаешь это? Ты не сможешь тормозить!

— У меня нет выбора, — я перехватил ее тонкие пальцы своей огромной ладонью и мягко, но настойчиво убрал их от своей куртки. Моя рука была горячее, ее — ледяной. — Послушай меня. Мой отец стоит в VIP-ложе. Он смотрит на каждую мою смену. Если я сейчас не выйду, Берг аннулирует документы мамы. Мне нужно продержаться еще два периода. Утани мне голеностоп. Сделай жесткий тейп поверх гетра, прямо через силу, чтобы сустав не гулял. Мне нужен хоть какой-то механический каркас.

Ева смотрела на меня, и в ее глазах отражалась та самая мучительная внутренняя борьба, которую я видел в ней еще в кабинете. Она понимала, что помогает мне совершать медленное самоубийство. Но она также знала, что на кону стоит жизнь женщины, которая прямо сейчас увядает на больничной койке под морфием.

— Это безумие, — прошептала она, опуская голову. — Чистое, первобытное безумие.

— Пожалуйста, Ева, — повторил я то единственное слово, которое никогда в жизни никому не говорил. — Помоги мне доиграть этот матч. Я сдержу обещание. Я вернусь к тебе сразу после сирены.

Каждый шаг по резиновой дорожке в сторону кабинета физиотерапии отзывался в моем сознании глухим, вибрирующим эхом. Мы двигались молча, стараясь держаться как можно незаметнее в тени массивных бетонных пилонов стадиона. Ева шла на полшага впереди, её медицинская сумка тихо и ритмично постукивала по бедру. Она то и дело бросала короткие, настороженные взгляды по сторонам, проверяя, не остался ли кто-то из персонала или зазевавшихся репортеров в технической зоне.

Я тащился следом, изо всех сил стараясь не хромать. Без чувствительности в левой стопе это превратилось в изощренную попытку для вестибулярного аппарата. Мне приходилось неестественно высоко поднимать бедро и буквально вбивать жесткий пластиковый ботинок конька в пол, чтобы механически убедиться: нога встала на опору. На лбу крупными каплями проступал холодный, липкий пот.

Ева толкнула дверь своего кабинета, пропуская меня вперед, и мгновенно заперла замок изнутри. Щелчок механизма прозвучал в тишине комнаты как приговор. Здесь по-прежнему горел лишь один настенный бра, и этот мягкий янтарный свет сейчас казался единственным островком безопасности во всем бушующем «ТД-Гарден».

— Садись, — коротко, почти обрывисто бросила Ева, сбрасывая сумку на рабочий стол рядом с горшком алоэ. В её голосе не осталось прежней мягкости — только жесткая, звенящая собранность врача, который готовится к экстренной операции.

Я тяжело опустился на край кушетки, вытягивая левую ногу. Онемение уже полностью заковало голень, поднимаясь к самому колену. Это было пугающее ощущение: я видел свою ногу, затянутую в плотный черный гетр с символикой клуба, но на ментальном уровне она мне больше не принадлежала.

Ева стремительно опустилась на колени прямо на холодный пол передо мной. На ней не было перчаток, и когда её пальцы коснулись моей лодыжки через ткань гетра, я уловил это механически — по натяжению брюк выше колена, но не кожей.

— Расслабь ногу, насколько это возможно, Моретти, — скомандовала она, вытаскивая из сумки три массивные бобины жесткого белого тейпа премиум-класса. — Я собираюсь сделать тебе восьмиобразную фиксирующую повязку. Это не вернет чувствительность, но создаст внешний корсет, который не позволит голеностопу подвернуться, когда ты будешь закладывать вираж.

Она зубами сорвала защитную ленту с первого рулона. Резкий, специфический запах каучукового клея мгновенно заполнил пространство между нами, перебивая аромат аптечной ромашки.

— Будет туго. Очень туго, — предупредила она, снизу вверх взглянув на меня своими темными, невероятно серьезными глазами. — Нам нужно буквально зацементировать сустав прямо поверх твоей экипировки.

Ева перехватила мою лодыжку левой рукой, фиксируя её под прямым углом в девяносто градусов, а правой начала с силой накладывать первый якорный слой тейпа чуть выше щиколотки. Её движения были доведены до абсолютного автоматизма. Никакой суеты. Каждое натяжение ленты было просчитано до миллиметра. Она вела белую полосу наискосок через подъем стопы, уходила под пятку и с силой возвращала обратно, буквально впрессовывая жесткий хлопок в пластик моего конька и плотную ткань гетра.

Я откинул голову назад, упираясь затылком в стену, и заставил себя дышать глубже. Сквозь вентиляционные шахты до меня долетал глухой, нарастающий рев трибун — перерыв стремительно подходил к концу, команды готовились к выходу на второй период.

— Зачем ты мне помогаешь, Ева? — тихо спросил я, не открывая глаз. Этот вопрос сорвался с моих губ прежде, чем я успел его обдумать. — Ты ведь рискуешь всем. Своей карьерой, доверием Томаса. Из-за меня. Из-за чужого парня с грязной фамилией.

Пальцы Евы на секунду замерли на моей стопе. В тишине кабинета было слышно только её ровное, прерывистое дыхание. Она не подняла головы, продолжая удерживать мою ногу, но её плечи под синей курткой заметно напряглись.

— Потому что я выросла в месте, где у людей слишком часто забирали последнее, Лиам, — её голос прозвучал глухо, почти неразличимо на фоне далекого гула стадиона. — Я знаю, каково это — быть абсолютно бессильной перед чужой жестокостью и большими деньгами. И если я могу стать той стеной, об которую твой отец обломает свои зубы хотя бы на эти два часа... я ею стану.

Она с резким треском оборвала ленту руками и с силой разгладила края тейпа, намертво впечатывая его в сустав.

— Но не вздумай идеализировать меня, Моретти, — она наконец подняла голову, и в её взгляде снова вспыхнула та самая привычная, контролируемая сталь. — Я делаю это ради твоей матери. И ради твоего обещания. Ты вернешься сюда сразу после сирены. Живым или мертвым.

Она поднялась с колен, убирая остатки ленты обратно в сумку. Мой голеностоп теперь выглядел как массивный кокон из белого жесткого пластыря, который намертво стягивал нижнюю часть ноги, соединяя ботинок конька и голень в единую монолитную конструкцию. Я осторожно спустил ногу и попробовал опереться на неё. Чувствительности не добавилось, но появилось четкое, механическое ощущение стабильности. Нога больше не заваливалась в сторону. Ева буквально подарила мне новые искусственные связи.

— Спасибо, — искренне произнес я, поднимаясь во весь рост и натягивая куртку.

— Иди, — Ева отвернулась к раковине, включая воду, чтобы смыть остатки клея с пальцев. — Твое время пошло. Второй период начался.

Я кивнул её спине, развернулся и вышел в коридор. Каждый шаг давался легче — теперь ботинок конька сидел на ноге как литой, не позволяя суставу гулять в стороны. Но внутри меня по-прежнему все горело. Холодный расчет отца, лицо матери в белой палате и эта девчонка, которая только что поставила на кон свою жизнь ради меня.

Когда я подошел к выходу на лед, команда уже выстраивалась у бортика. Тренер недовольно зыркнул на меня, но ничего не сказал. Я перемахнул через борт, и лезвие моего конька с глухим скрежетом врезалось в свежий, залитый лед.

Впереди были еще сорок минут. И я собирался выжать из этого тела все до последней капли.

Глава 11 Ева

Второй период начался под такой оглушительный, яростный рев стадиона, что у меня мелко задрожали стекла очков в кармане пуховика. Трибуны «ТД-Гарден» требовали крови, шайб и зрелищ, совершенно не заботясь о том, какой ценой эти современные гладиаторы платят за их минутный восторг.

Я сидела на скамейке запасных, чувствуя себя замерзшим изваянием. Воздух, поднимавшийся от свежезалитого, глянцевого льда, казался обжигающе холодным, но моя спина была мокрой от липкого пота. Мой взгляд, словно привязанный невидимым тросом, неотрывно следовал за массивной фигурой под номером девяносто один.

Лиам двигался. Белый кокон из жесткого тейпа, который я наложила прямо поверх его гетра, сработал как внешний экзоскелет. Сустав больше не заваливался, и Моретти-младший летел по площадке, закладывая крутые виражи и ведя шайбу с той пугающей, безупречной грацией, за которую его боготворил Бостон. Но я видела, что эта безупречность давалась ему колоссальным, нечеловеческим усилием. Он управлял своим телом на ощупь. Из-за мощной локальной анестезии его левая стопа превратилась в глухой деревянный брус. Он не чувствовал льда. Каждое торможение, каждый толчок со вбрасывания он совершал на чистом расчете и слепом мышечном автоматизме, рискуя в любую секунду поймать передний кант конька и на полной скорости влететь головой в борт.

Я перевела взгляд выше, на VIP-ложу. Доминик Моретти по-прежнему стоял у стекла, снисходительно улыбаясь своим гостям. Он выглядел как кукловод, довольный тем, что марионетка выполняет свои движения идеально. Сердце сжималось от глухого омерзения к этому человеку.

Внезапно ход моих мыслей прервал страшный, глухой удар в левом углу площадки, прямо у зоны соперника.

Это был Маркус — наш защитник из второго звена, которому я еще в прошлом периоде тейпировала глубокий ушиб плечевого сустава. Нападающий противников — огромный, безжалостный тафгай — на полной скорости пошел на него в жесткий стык. Он буквально впечатал Маркуса в пластиковый борт. Раздался хруст ломающегося углепластика хоккейной клюшки и тяжелый, костяной стук. Защитное стекло над бортом жалобно затрещало и выгнулось.

Маркус рухнул на лед, как подкошенный. Он мгновенно подогнул под себя колени, сжался в клубок и свободной правой рукой судорожно ухватился за левое плечо. На его лице под визором шлема отразилась такая дикая, ослепляющая гримаса боли, что стало ясно сразу: он не встанет. Он даже не пытался подняться, его грудная клетка прерывисто и часто ходила ходуном.

— Черт! Только не Маркус! — рявкнул главный тренер, со всей силы ударив планшетом по ограждению скамейки.

Доктор Томас мгновенно вскочил со своего места, подхватывая тяжелый медицинский чемодан. Судья уже вовсю свистел, останавливая игру.

— Ева, живо за мной! — бросил Томас через плечо, перемахивая через бортик прямо на лед.

Я бросилась следом, скользя подошвами кроссовок по скользкой поверхности площадки. Мы подбежали к лежащему Маркусу. Парень хрипел, его глаза закатывались. Томас быстро опустился перед ним на колени, ощупывая ключицу и сустав через массивный наплечник.

— Вывих. Острый рецидив с вероятным разрывом суставной губы, — Томас поднял на меня напряженный взгляд. — Ева, забирай его. Бери помощников со скамейки, ведите его в свой кабинет. Срежьте форму, зафиксируйте руку и вколите быстрое обезболивающее. Начи-

най подготовку к рентгену. Я должен остаться на скамейке до конца периода, у нас больше нет запасных защитников. Если что-то пойдет не так или начнется шок — немедленно зови меня через рацию. Поняла?

— Поняла, доктор Томас, — ответила я, хотя внутри меня в эту секунду всё кричало от сопротивления.

Двое крепких парней из обслуживающего персонала подхватили бледного, хрипящего Маркуса под руки, бережно поднимая его со льда. Я шла рядом, придерживая его левую, безжизненно повисшую руку.

Перед тем как зайти в подтрибунный коридор, я не удержалась и обернулась. Номер девяносто один стоял у центрального круга, тяжело опираясь на клюшку. На секунду наши взгляды встретились сквозь пелену ледяной крошки. В его серых глазах, обрамленных каплями пота, застыла глухая, немая мольба. Я уходила. Я оставляла его один на один с этой ледяной пустыней и его замерзшим, готовым разорваться в любой момент коленом. У меня больше не было возможности следить за его биомеханикой. Контроль был потерян.

Дверь моего кабинета закрылась с глухим стуком, отрезая нас от рева трибун. Но эта тишина была обманчивой — сквозь толстые бетонные стены стадиона все равно пробивался низкий, вибрирующий гул, который теперь казался мне зловещим.

— Осторожно, на кушетку, — скомандовала я парням-помощникам, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо и профессионально, хотя внутри меня все дрожало от нарастающей паники.

Маркус со стоном опустился на край кожаной обивки. Кабинет, в котором еще полчаса назад Лиам умолял меня о спасении своей матери, теперь превратился в операционную. Я быстро схватила специальные медицинские ножницы с изогнутыми лезвиями и начала безжалостно разрезать плотную ткань его игрового свитера и ремни тяжелого нагрудника. Плечо парня уже заметно раздувалось, приобретая неестественную, деформированную форму.

— Держись, Маркус, сейчас станет легче, — бормотала я, вскрывая ампулу анальгетика и набирая раствор в шприц.

Мои руки действовали на автомате — годы учебы и практики в экстренной хирургии не прошли даром. Я быстро обработала кожу и сделала точный внутримышечный укол. Маркус глухо застонал, откидывая голову назад и прикрывая глаза.

Я начала аккуратно накладывать фиксирующую шину-повязку Дезо, чтобы полностью обездвижить поврежденный сустав. Мои пальцы туго натягивали бинты, но мой разум... мой разум был не здесь. Он остался там, у бортика площадки.

Внезапно стадион за стенами кабинета взорвался таким неистовым, сокрушительным, многотысячным ревом, что я невольно вздрогнула, едва не выронив рулон фиксирующего бинта из рук. Сердце подпрыгнуло к самому горлу, а в висках застучала кровь. Это не был обычный восторг от забитого гола. В этом реве слышался какой-то дикий, шоковый надрыв.

В ту же секунду мое воображение, подстегнутое чувством вины и страхом, нарисовало самую ужасную, леденящую кровь картину. Я отчетливо представила, как Лиам пытается уйти от очередного силового приема, его зацементированный голеностоп намертво застревает во льду, а колено... колено с жутким хрустом выворачивается в обратную сторону. Я видела, как его огромное стокилограммовое тело безжизненно падает на лед под рев камер. Видела, как к нему бежит доктор Томас, как на лед выезжают носилки. Видела позорные заголовки завтрашних газет, расследование, суд, потерю лицензии... И бледное лицо его умирающей матери в хосписе, лишенной Швейцарии из-за того, что её сын не смог доиграть эти чертовы три периода.

По лбу покатился холодный пот. Пальцы онемели от напряжения.

— Ева? Все нормально? — слабый, хриплый голос Маркуса выдернул меня из этого кошмара. Он смотрел на меня снизу вверх своими измученными глазами, явно удивленный тем, что я замерла с бинтом в руках, тяжело и часто дыша.

— Да... Да, Маркус, все хорошо. Просто туго затягиваю, — я судорожно сглотнула, заставляя себя вернуться к реальности.

Я быстро закончила фиксировать его плечо, закрепив край повязки булавкой. Но внутри меня продолжала бушевать настоящая буря. Каждый новый всплеск шума трибун, каждый удар шайбы о борт, доносящийся сквозь вентиляцию, заставлял меня вздрагивать. Я была заперта в этом стерильном кабинете, соучастница сумасшедшего заговора, вынужденная заниматься другим пациентом, пока парень, чью судьбу я только что взяла в свои руки, выживал на льду в абсолютном одиночестве. И я ничего, совсем ничего не могла сделать, кроме как молиться, чтобы химическая блокада продержалась до финальной сирены.

Глава 12 Лиам

Глухой, костяной стук в левом углу площадки заставил меня резко обернуться. Маркус. Наш защитник рухнул на лед, сжавшись в клубок и судорожно прижимая к груди левую руку. Почти сразу я увидел, как через бортик перемахивает доктор Томас, а за ним, едва удерживая равновесие на глянцевой поверхности, быстро бежит Ева Кларк. Ее темно-синий медицинский пуховик казался ярким пятном на фоне ослепительно-белого льда.

Судья неистово свистел, останавливая игру, но для меня весь этот двадцатитысячный рев трибун вдруг превратился в фоновый, едва различимый белый шум. Я стоял у центрального круга, тяжело опираясь на клюшку, и не мог отвести взгляда от ее хрупкой фигурки.

Я видел, как Ева опустилась на колени перед хрипящим от боли Маркусом. Ее движения были быстрыми, точными, уверенными. Никакой паники, никакой суеты — чистый профессионализм. Но я смотрел не на ее руки. Я смотрел на ее лицо. И в какой-то момент, когда доктор Томас что-то резко скомандовал ей и указал в сторону подтрибунного помещения, она подняла голову.

На долю секунды наши взгляды встретились сквозь пелену ледяной крошки и прозрачный пластик моего визора.

В ее каштановых глазах застыла немая, глухая мольба. Отрезанная от меня профессиональным долгом, она уходила. Двое помощников подхватили Маркуса под руки, и Ева двинулась следом, бережно придерживая его безжизненное плечо. Она скрылась в темноте коридора, и в ту же секунду дверь за ней захлопнулась.

Внутри меня все оборвалось.

Это было странное, дикое, почти постыдное чувство для стокилограммового, прожженного мужика, которого пресса Бостона называла «железным Айсом». Я был сильнее ее в два раза. Я умел держать удар, ломать чужие ребра у бортов и выдерживать ледяные ультиматумы собственного отца. Но прямо сейчас, глядя на закрывшуюся дверь, я отчетливо понял: моя единственная опора, моя тонкая соломинка, за которую я держался в этом персональном аду, только что ушла.

Эта хрупкая девчонка с алоэ на подоконнике и маниакальной любовью к порядку была единственным человеком во всем этом бушующем стадионе, кто знал мою правду. Единственной, кому было не плевать на мою покалеченную ногу и умирающую мать. Она буквально зацементировала мой сустав своими руками, подарив мне эти два часа иллюзорной силы, а теперь... теперь я остался один. Без присмотра. Наедине со своим замерзшим, готовым разорваться в любую секунду коленом и отцом, который продолжал буравить мою спину тяжелым взглядом из правительственной логи.

— Эй, Моретти! Соберись! — рявкнул нападающий соперников, проезжая мимо и намеренно задев мое плечо своим массивным корпусом. — Твой защитник вылетел. Теперь мы вас похороним.

— Попробуй, — глухо бросил я сквозь зубы, чувствуя, как внутри вместо страха начинает закипать чистая, ядовитая ярость.

Вбрасывание. Шайба ударилась о лед, и я рванул вперед.

Игра без Евы на скамейке запасных превратилась в сумасшедший аттракцион на выживание. Без ее оценивающего, строгого взгляда мне стало казаться, что я окончательно теряю связь с реальностью. Локальная анестезия продолжала действовать, превращая мою левую ногу в мертвый, чужеродный брус, но жесткий кокон из белого тейпа, который она наложила, держал лодыжку намертво. Я не чувствовал лезвия конька, но я физически ощущал этот плотный, сдавливающий корсет. Это была ее работа. Ее защита. И я использовал этот каркас на полную мощность.

Команда соперников, почувствовав слабость нашей обороны после ухода Маркуса, пошла в яростную атаку. Игра стала грязной, посыпались жесткие стыки. Меня дважды пытались поймать на противоходе у бортов, и каждый раз, когда мое тело на огромной скорости врезалось в пластиковое ограждение, я мысленно прощался со своим коленом. Сустав внутри гетра трещал от колоссального давления, но блокада послушно глушила любые сигналы боли. Я был как слепой сапер, который идет по минному полю в полной темноте: я знал, что под моими ногами взрывчатка, но не слышал щелчков датчиков.

В середине периода мне удалось перехватить шайбу у синей линии. Трибуны «ТД-Гарден» взревели, предвкушая выход один на один. Я заложил крутой вираж влево, перенося весь центр тяжести на заблокированную ногу. Тейп натянулся с такой силой, что я услышал этот сухой, внутренний треск даже сквозь гул арены. Корпус наклонился под опасным, критическим углом, но механическая фиксация выдержала. Я выкатился на пятак, обманным движением уложил вратаря на лед и с неудобной руки вогнал шайбу точно в верхний угол ворот.

Стадион взорвался таким неистовым, сокрушительным ревом, что, казалось, под сводами задрожали массивные стальные балки.

Я не праздновал. Я просто медленно покатился к нашей скамейке, тяжело дыша и упираясь руками в колени. Мой взгляд непроизвольно метнулся вверх, туда, где за бронированным стеклом VIP-ложи стоял Доминик Моретти. Он не прыгал от радости, не кричал. Он лишь снисходительно, едва заметно кивнул мне, делая очередной глоток из своего бокала. Он был доволен. Его марионетка забила гол, картинка в телевизоре была безупречной, сделка века оставалась в безопасности.

Я опустил на деревянное сиденье скамейки запасных, сбрасывая краги. От моего тела шел густой пар, грудная клетка ходила ходуном, а под шлемом лицо горело от подступающей лихорадки. Обезболивающие таблетки, которые я принял еще дома, окончательно перестали действовать, и теперь общая системная усталость и шок начали накрывать меня с головой. В висках нарастала глухая, тяжелая пульсация.

Я посмотрел на пустующее место рядом с доктором Томасом, где должна была сидеть Ева. Там по-прежнему лежали лишь запасные тейпы и сиротливо качалась пустая пластиковая бутылка.

«Я держусь, Ева», — подумал я, закрывая глаза и пытаясь унять крупную дрожь в руках. — «Я забил этот чертов гол. Я держу твоё обещание. Только, ради всего святого, будь в кабинете, когда все это закончится».

До конца второго периода оставалось всего пять минут, но эти пять минут без ее присутствия на арене обещали стать самыми длинными и опасными в моей жизни.

Глава 13 Лиам

Финальная сирена второго периода прозвучала для меня как выстрел милосердия. Я буквально сполз со льда, едва переставляя онемевшие ноги, и потащился по резиновому настилу коридора в сторону раздевалки. Белый кокон из жесткого тейпа, который Ева наложила прямо поверх моего гетра, превратился в тиски. Он сдавливал голень так сильно, что пальцы в коньке покалывало от нехватки крови, но это была единственная сила, державшая мой сустав в вертикальном положении.

Блокада начала сдавать позиции. Это произошло незаметно, как прилив во время штиля. Сначала сквозь глухую искусственную заморозку пробился едва различимый зуд глубоко внутри колена. Затем он перерос в тяжелую, тупую пульсацию, которая с каждым моим шагом становилась все горячее. Организм медленно, но верно выжигал анестетик, и я с ужасом понимал: до конца третьего периода лекарства не хватит. Адская боль, от которой я бежал с трех часов ночи, уже скалила зубы на пороге моего сознания.

В раздевалке было душно. Парни шумно рассаживались по местам, хвастались забитым голом и хлопали меня по плечу, но их голоса долетали до меня словно сквозь слой ваты. Я натянул полотенце на лицо, откинул голову на мягкую обивку стены и закрыл глаза, пытаюсь унять крупную, лихорадочную дрожь в руках.

В этой душной, пахнущей потом и мазями темноте под полотенцем мой разум, измученный физическим шоком и страхом, снова сорвался со сцепления. Реальность Бостона 2026 года растаяла, уступая место воспоминаниям.

Мне было девять лет. Тот самый ледовый клуб на окраине города, куда отец отдал меня, чтобы «выбить из меня дурь», встретил меня своей привычной, грязной суровостью. Это была вечерняя тренировка в середине февраля. Накануне я пропустил шайбу на синей линии, и тренер в наказание заставил меня нарезать круги по площадке до тех пор, пока у меня не начали подкашиваться ноги.

Старшие мальчишки, сыновья портовых рабочих и парней деда, смеялись, швыряя в мою сторону куски колотого льда. Мои колени были разбиты в кровь, ладони горели от жестких краг, а в горле стоял горький вкус слез, которые я из последних сил запрещал себе проливать. Я чувствовал себя абсолютно никчемным, брошенным и одиноким. Отец не пришел. Он никогда не приходил на обычные тренировки, считая это пустой тратой времени.

Когда я, едва волоча баул, вышел на крыльцо стадиона, на улице уже стемнело. Крупный, хлопьевидный снег засыпал грязный асфальт. И там, у старого железного забора, я увидел её.

Мама.

Елена Моретти стояла в своем длинном шерстяном пальто цвета светлого песка, кутаясь в пушистый шарф. Она не должна была быть здесь — отец запрещал ей вмешиваться в мое «мужское воспитание» и строго контролировал каждый её шаг. Но она тайно наняла такси и приехала на самый край Бостона, просто чтобы встретить своего девятилетнего сына.

Когда она увидела мое осунувшееся, бледное лицо и то, как я тяжело тащу за собой тяжелую сумку, её глаза мгновенно наполнились слезами. Она подбежала ко мне, опустилась на колени прямо в грязный сугроб и крепко, до хруста в моих детских ребрах, прижала меня к себе.

От неё пахло теплом, ванильным печеньем и теми самыми дорогими французскими духами, которые она всегда носила. Этот запах мгновенно уничтожил всю ту ледяную стену, которую я так старательно выстраивал внутри себя на катке.

— О господи, Лиами... — тихо шептала она, глядя меня по мокрым от пота и снега волосам своими теплыми, нежными ладонями. — Посмотри на себя. Ты совсем замерз. Твой отец... он сошел с ума со своими требованиями. Пойдем скорее в машину.

Она сама забрала у меня баул, несмотря на мои слабые протесты, и затащила меня на заднее сиденье старого бостонского такси. Там, в полумраке салона, где всю работу печка, она вытащила из сумки термос с горячим чаем и завернутый в фольгу яблочный пирог, который испекла сама, пока отца не было дома.

Я сидел, уткнувшись носом в её мягкое пальто, и впервые за долгое время чувствовал себя в абсолютной, стопроцентной безопасности.

— Мама, я не хочу больше туда ходить, — тихо признался я тогда, размазывая слезы по щекам. — Они бьют меня. Тренер кричит. Отец говорит, что я слабый.

Мама замерла. Она взяла мое лицо в свои теплые ладони и заставила посмотреть ей прямо в глаза. В её взгляде не было той жесткости, которой меня учил дед, но в нем была другая сила — мягкая, несокрушимая, чистая сила безусловной любви.

— Послушай меня, мой хороший, — тихо, но очень твердо сказала она. — Ты не слабый. Ты самый сильный мальчик на свете, потому что у тебя доброе сердце. Твой отец и дедушка... они построили вокруг себя мир из камня и железа, потому что они боятся. Они боятся показаться слабыми. Но ты не обязан быть как они. Если ты не хочешь играть в хоккей — ты не будешь. Я сама поговорю с Домиником. Я не позволю им сломать тебя.

— Но отец разозлится...

— Пусть злится, — мама слабо улыбнулась, вытирая пальцем слезинку с моего носа. — Пока я рядом с тобой, Лиами, никто и никогда не сможет причинить тебе вред. Ты — моя гордость. И мне абсолютно все равно, сколько голов ты забиваешь. Я люблю тебя просто потому, что ты есть.

Я резко открыл глаза под полотенцем, тяжело и судорожно хватая ртом спертый воздух раздевалки. Сердце колотилось в груди как бешеное.

Воспоминание растаяло, оставив после себя лишь горький, соленый привкус на губах. Я сдернул полотенце с лица. На часах оставалось три минуты до выхода на третий, финальный период матча.

Мама защищала меня всю мою жизнь. Она шла наперекор отцу, терпела его холодность, его мафиозные тайны и вечный прессинг, просто чтобы у меня было нормальное детство. Она была единственным источником света в нашей мрачной семейной империи. А теперь... теперь она лежала в палате онкоцентра, опутанная трубками, увядая под действием морфия. И пришла моя очередь стать для неё защитой. Стать той самой стеной, о которой она говорила в такси.

В левом колене снова вспыхнула резкая, отчетливая искра боли — блокада отступала все быстрее. Но мне было плевать.

«Пока я дышу, мама, он не посмеет причинить тебе вред», — подумала я, со злостью затягивая ремни своего нагрудника. — «Я выдержу этот период. Я выдержу всё».

Главный тренер громко захлопнул планшет, привлекая внимание команды:

— Ну что, парни! Последние двадцать минут! Выходим и забираем эту победу!

Я поднялся со скамьи во весь свой огромный рост. Нога отозвалась глухим протестующим стоном, но жесткий тейп Евы по-прежнему держал сустав. Я надел краги, перехватил клюшку и первым двинулся к выходу на лед.

Глава 14 Ева

Врачебный протокол предписывает сохранять холодную отстраненность в любой ситуации, но когда ты возвращаешься на скамейку запасных под рев двадцати тысяч глоток и понимаешь, что судьба человека зависит от кусочка хлопка и тающего лекарства внутри его сустава, вся твоя профессиональная броня дает глубокую трещину.

Я оставила Маркуса под бдительным присмотром своего ассистента, предварительно убедившись, что фиксирующая повязка наложена идеально, а сильное обезболивающее погрузило парня в глубокий, целительный сон. Но как только я снова переступила порог подтрибунного помещения, ведущего к ледовой коробке, ледяной воздух «ТД-Гарден» ударил мне в лицо, принося с собой знакомый запах каучука и адреналина. Начинался третий, финальный период.

Я быстро проскользнула на свое место рядом с доктором Томасом, стараясь не привлекать лишнего внимания главного тренера, который на ходу выкрикивал тактические указания парням из стартовой пятерки.

— Всё нормально с Маркусом? — не поворачивая головы, спросил Томас, нервно пережевывая очередную мятную жвачку.

— Зафиксирован, спит. Угрозы шока нет, — коротко отчеканила я, а мой взгляд уже лихорадочно сканировал площадку в поисках номера девяносто один.

Лиам стоял у синей линии. Он выглядел огромным, монолитным, но мой наметанный взгляд физиотерапевта мгновенно зафиксировал изменения, от которых у меня внутри всё сжалось. Блокада сдавала позиции. Это было неизбежно — колоссальные физические нагрузки, сильные удары у бортов и собственный стокилограммовый вес Лиама выжигали мощный анестетик с утроенной скоростью.

Его правое плечо было неестественно приподнято, а корпус слегка завален назад — Лиам больше не управлял телом на ощупь. К нему возвращалась боль. Каждое движение левой ноги теперь требовало от него не просто расчета, а дикого, животного преодоления. Он играл на чистом, слепом упрямстве. На той самой ярости, которую я видела в его глазах, когда он говорил о своей умирающей матери и жестоком ультиматуме отца.

Я подняла голову, бросив короткий взгляд на VIP-ложу. Доминик Моретти по-прежнему восседал за бронированным стеклом, вальяжно беседуя с инвесторами. Он выглядел спокойным и сытым. Для него этот матч был идеальной декорацией, за которой он прятал свои грязные семейные тайны. Он не видел, как его сын выплевывает легкие на льду. Ему было плевать.

Раздался резкий свисток судьи, и шайба ударилась о глянцевый лед. Третий период начался.

Команда соперников, понимая, что до конца матча осталось всего двадцать минут, пошла в агрессивную, грязную атаку. Они намеренно целились в Лиама. Их защитники караулили его у каждого виража, пытаясь поймать на жесткий силовой прием.

В середине периода Лиам принял шайбу у борта прямо напротив нашей скамейки. В ту же секунду на него на полной скорости вылетел огромный тафгай противников. Лиам не успел сгруппироваться. Удар был страшным — массивное тело Лиама с грохотом впечаталось в пластиковое ограждение. Защитное стекло над моей головой жалобно зазвенело и выгнулось.

Я невольно вскрикнула, зажимая рот ладонью. Мой взгляд намертво приковался к его левой ноге. Лиам глухо, страшно зарывал сквозь зубы — этот звук пробил даже рев трибун. На его лице под визором шлема отразилась такая дикая, ослепляющая гримаса боли, что у меня перехватило дыхание. Он потерял равновесие и жестко рухнул на лед, покотившись на бок.

— Моретти! Вставай! — закричал главный тренер, в ярости ударив кулаком по борту.

Доктор Томас напрягся, его рука непроизвольно потянулась к медицинскому чемодану. Секунды тянулись как вечность. Перед моими глазами пронеслась вся моя жизнь: все, что меня ждет, если этот парень сейчас не поднимется.

Но Лиам поднялся. Опираясь на клюшку, мелко дрожа всем телом, он заставил свое стокилограммовое тело встать на оба конька. Его лицо было бледным, почти серым от болевого шока, а по шее под форму градом катился пот. Он встряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, и медленно, волоча левую ногу, покатился в сторону нашей скамейки на смену.

Когда он перемахнул через бортик и тяжело рухнул на деревянное сиденье в паре метров от меня, от него шел густой, осязаемый пар. Грудная клетка ходила ходуном, он прерывисто, хрипло дышал. Под нательным бельем его плечи мелко вздрагивали. Блокада полностью отключилась. Теперь он чувствовал каждый разорванный волосок своих связок.

Он откинул шлем назад, прислонился затылком к холодной стене и на секунду открыл глаза. Его серые, затуманенные болью глаза безошибочно нашли меня среди суеты скамейки. В этом взгляде не было прежней спеси «Айса». В нем была только глухая, немая благодарность за то, что я была здесь. За то, что я не выдала его Томасу.

— Я... держусь, — одними губами, беззвучно произнес он, глядя мне прямо в душу.

Я судорожно сглотнула, чувствуя, как к горлу подступает ком, а на глаза наворачиваются слезы, которые я не имела права показывать. Я лишь слабо, едва заметно кивнула ему в ответ, сжимая пальцами холодный пластик медицинского планшета.

До конца матча оставалось всего семь минут. Семь минут чистого, концентрированного кошмара, за которые Лиаму Моретти предстояло совершить невозможное — доиграть этот матч на остатках человеческих сил и сберечь жизнь своей матери. И всё, что я могла делать — это сидеть на этой скамейке и молиться, чтобы жесткий тейп на его ноге не сдался раньше времени.

Глава 15 Ева

Финальная сирена оглушила меня. Она прорезала рев двадцатитысячной толпы, заставив трибуны «ТД-Гарден» зайти в победном, неистовствующем экстазе. Парни со скамейки запасных с криками повскакали со своих мест, перемахивая через бортик на лед, швыряя вверх краги и клюшки. Мы выиграли. Удержали этот чертов счет.

Но мне не было дела до победы. Мой взгляд, затуманенный от многочасового напряжения, неотрывно следил за номером девяносто один.

Лиам не остался на льду праздновать. Пока команда душила друг друга в объятиях у ворот, он, тяжело опираясь на клюшку и буквально волоча за собой левую ногу, медленно двигался к выходу с площадки. Его визор был заляпан каплями пота, а лицо казалось маской, высеченной из серого гранита. Он не смотрел на трибуны. Не смотрел на VIP-ложу, где его отец, Доминик Моретти, наверняка уже принимал поздравления от инвесторов. Лиам выполнил свою часть сделки. Он выжил.

Как только его массивный силуэт скрылся в темноте подтрибунного коридора, я резко развернулась.

— Ева, ты куда? — крикнул мне вслед доктор Томас, пробиваясь сквозь толпу ликующих ассистентов. — Нужно проверить парней в раздевалке!

— У меня Маркус в кабинете, доктор Томас! — на ходу соврала я, даже не оборачиваясь. — Мне нужно проверить его состояние после укола!

Я бежала по резиновому настилу коридора так быстро, как только могла. Сердце колотилось где-то в районе горла, а в висках пульсировал чистый, концентрированный страх. Кабинет физиотерапии встретил меня полумраком и тишиной, которая после грохота стадиона казалась почти осязаемой. В углу, на кушетке, тихо и мерно дышал спящий Маркус — сильное обезболивающее надежно держало его в беспмятстве. Хоть в чем-то мне повезло.

Я стремительно подошла к входной двери, приоткрыла её на пару сантиметров и замерла, вглядываясь в длинный технический коридор.

Время потянулось с убийственной, мучительной медлительностью. Минута. Две. Пять. Каждая секунда казалась мне вечностью. В коридоре начали появляться первые люди — возбужденные техники стадиона, уборщики, охранники. Из раздевалки доносились приглушенные крики парней, включающих победную музыку.

Внутри меня все выло от паники. *«Где он? Господи, только бы никто его не перехватил. Только бы Томас не наткнулся на него в коридоре»*. Если сейчас кто-то увидит, как капитан команды в полуобморочном состоянии ковыляет в кабинет к молодому физиотерапевту, минуя общую раздевалку и обязательный осмотр главного врача — начнется катастрофа. Вопросы посыплются лавиной. Нас увидят. Нас раскроют. Мой, выпестованный годами порядок, моя репутация, моя жизнь — все это висело на одном тонком волоске. Я судорожно сжимала пальцами холодную ручку двери, чувствуя, как по спине катится липкий пот.

И тут в дальнем конце коридора появилась огромная тень.

Лиам двигался, держась рукой за бетонную стену. На нем не было шлема — он бросил его где-то по дороге. Его темные волосы были мокрыми и облепили лоб, а лицо перекошило от такой дикой, невыносимой физической боли, что у меня перехватило дыхание. Химическая блокада полностью испарилась. Теперь он чувствовал каждую разорванную связку, каждый микронадрыв в суставе. Он буквально тащил за собой левую ногу, которая из-за жесткого кокона белого тейпа казалась монолитным бревном. Из его груди при каждом шаге вырывался глухой, хриплый стон.

Я шире распахнула дверь, высунулась наружу и тихо, но отчаянно позвала:

— Лиам! Сюда! Быстрее!

Он поднял на меня свои затуманенные, серые глаза. В них не осталось ничего от «железного Айса». Только первобытная, невыносимая мука. Увидев меня, он сделал последнее, отчаянное усилие.

Как только он переступил порог кабинета, я захлопнула дверь и с силой провернула замок. Дважды. Щелчок механизма прозвучал для меня как спасительный выстрел. Успели. Никто не увидел.

Я обернулась и едва успела подставить плечо. Огромное стокилограммовое тело Лиамы Моретти просто рухнуло на меня. Его силы окончательно иссякли. Защитная броня, которую он держал перед отцом, камерами и двадцатью тысячами фанатов, разлетелась в пыль.

Я покачнулась от его веса, но удержала, обхватывая его за мощную, мокрую от пота спину под хоккейным бельем. Он тяжело, со свистом задышал мне в шею, утыкаясь лбом в мое плечо. Его руки крупно, неуправляемо дрожали. Он больше не был суперзвездой. Он был просто измученным, раненым мальчиком, который отдал все силы, чтобы спасти свою маму.

— Я... я дошел, Ева... — хрипло, едва слышно прошептал он, и в его голосе послышался надрыв. — Я сдержал слово. Помогите мне.

Глава 16 Лиам

Когда за спиной Евы дважды шелкнул замок, остатки моих сил просто испарились. Мое тело, до этого напоминавшее натянутую до предела стальную струну, превратилось в свинцовый балласт. Если бы Ева не подставила свое хрупкое плечо, я бы рухнул лицом прямо на глянцевую плитку пола.

Я помню этот момент смутно, словно сквозь слой плотной серой ваты. Помню обжигающее тепло ее тела, тонкий запах аптечной ромашки и то, как тяжело вздрагивали ее плечи, пока она буквально тащила меня на себе вглубь кабинета.

— Сюда, Лиам... ложись, — ее голос доносился откуда-то издалека.

Я тяжело, со стоном рухнул на кушетку, вытягивая левую ногу. Голова раскалывалась, в висках набатом стучала кровь, а лицо горело от подступающей лихорадки. Из-за ширмы в дальнем углу кабинета доносилось тяжелое, мерное сопение. Я приоткрыл затуманенные глаза и вопросительно посмотрел на Еву.

— Это Маркус, — тихо, почти шепотом пояснила она, устало вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. — У него вывих плеча. Я вколола ему сильный седативный препарат еще полчаса назад и вместе с санитаром переложила на запасную кушетку за ширму. Он спит мертвым сном и ничего не услышит.

Я лишь слабо кивнул, закрывая глаза. Мне было плевать, даже если бы в углу сидел сам Доминик Моретти со своей свитой. Боль, которую до этого сдерживала химия, теперь накрыла меня сокрушительным, стометровым цунами. Внутри колена словно взорвалась фосфорная граната. Сустав горел, пульсировал и выл, требуя, чтобы я прекратил это издевательство над собственным телом.

Ева стремительно опустилась на колени рядом с кушеткой. В ее руках мгновенно появились тяжелые медицинские ножницы с изогнутыми лезвиями.

— Лежи смирно, Моретти. Сейчас будет неприятно, — в ее голосе снова зазвучала та самая привычная, контролируемая сталь, которая так восхищала меня.

Раздался резкий, сухой скрежет. Ева начала безжалостно разрезать толстый, зацементированный кокон из белого тейпа, который она сама же наложила поверх моего гетра перед вторым периодом. Ленты пластыря въелись в ткань и пластик, и ей приходилось прикладывать немало усилий, чтобы продвигать лезвия ножниц вперед. Каждое микродвижение инструмента, каждое натяжение повязки отзывалось в моем колене такой острой вспышкой, что я до хруста в суставах вонзил пальцы в кожаную обивку кушетки, кусая губы до крови, чтобы не заорать на весь медицинский блок.

Когда последний слой тейпа был срезан и брошен в лоток, Ева аккуратно закатала штанину моего термобелья.

В полумраке кабинета я услышал, как она резко, судорожно втянула воздух через нос.

Мое колено выглядело жутко. Сустав полностью деформировался, раздувшись до невероятных размеров и став багрово-синим от внутреннего кровоизлияния. Кожа была настолько натянутой и горячеей, что, казалось, к ней невозможно прикоснуться. Лишь чудо и этот проклятый хлопковый корсет удержали мою ногу от того, чтобы кости не вылетели наружу во время того грязного силового приема в третьем периоде.

— О господи, Лиам... — тихо, с глубоким ужасом прошептала она, бережно, едва касаясь, проводя прохладными пальцами по краям отека. — Ты уничтожил сустав. Передняя крестообразная разорвана полностью, боковые связки растянуты до предела. Как ты вообще доказался эти минуты? Как ты стоял на ногах?

— У меня... был хороший стимул, — хрипло выдавил я, не открывая глаз. Каждое дыхание давалось с трудом, тело била крупная лихорадочная дрожь. — И отличный физиотерапевт.

Ева ничего не ответила. Она поднялась, быстро подошла к раковине, смочила чистое полотенце в ледяной воде и достала из холодильника новый компресс. Вернувшись, она бережно опустила холод на мое пылающее колено. Обжигающий температурный контраст заставил меня крупно вздрогнуть, но спустя минуту боль из острой и режущей снова начала превращаться в глухую, терпимую пульсацию.

Ева села на низкий стул рядом с кушеткой, устало опустив плечи. В янтарном свете бра ее лицо казалось бледным, а под глазами залегли глубокие тени. Весь ее маниакальный, хирургический порядок в кабинете сейчас был нарушен: на полу валялись обрезки белого пластыря, медицинские инструменты лежали в беспорядке, а на ее темно-синем медицинском костюме виднелись темные пятна от моего пота.

Я посмотрел на нее сквозь приоткрытые веки. Несмотря на хаос вокруг, в ней самой по-прежнему оставалась эта удивительная, притягательная собранность.

— Почему ты это делаешь, Ева? — тихо спросил я. Мой голос прозвучал глухо в полумраке комнаты. — Почему ты так маниакально любишь этот порядок? И почему... почему ты вообще выбрала эту профессию? Ты ведь могла стать пластическим хирургом, зарабатывать миллионы на богатых дамах в Нью-Йорке, жить спокойной жизнью. Зачем тебе этот ад? Зачем тебе эти упрямые, ломающие себя спортсмены?

Ева замерла. Она не смотрела на меня, ее взгляд был устремлен на маленький глиняный горшок с алоэ, стоявший на краю ее стола. Она долго молчала, и я уже подумал, что она игнорирует мой вопрос или снова включит режим холодного, отстраненного доктора.

Но вдруг она сделала глубокий, судорожный вдох, и ее плечи заметно опустились.

— Мой старший брат, Дэнни, был чертовски талантливым бейсболистом, — ее голос прозвучал так тихо и надломленно, что у меня внутри все сжалось. В нем больше не было стали. Только старая, кровоточащая рана. — В восемнадцать лет ему пророчили великое будущее. Скауты из высшей лиги ходили за ним толпами. Наша семья жила в нищете в Южном Бостоне, и Дэнни был нашей единственной надеждой на спасение. Нашим золотым билетом в нормальную жизнь. А потом, в одном из матчей, он получил самый сложный разрыв плечевого сустава.

Она сделала паузу, судорожно сглатывая, и ее пальцы крепко сцепились на коленях.

— У нас не было денег на топовых хирургов и дорогих реабилитологов, Лиам. А медицинский штаб его дешёвого молодежного клуба... они просто списали Дэнни со счетов. Зачем тратить бюджет на сломанную вещь, когда можно купить новую? Его выставили за дверь с пачкой копеечных обезболивающих и фальшивыми соболезнованиями. Дэнни так и не смог вернуться на поле. Его мечта умерла в восемнадцать лет. А вместе с ней сломалась и его жизнь. Он покатился по наклонной, связался с уличными бандами нашего района, пытался заглушить эту пустоту... и сейчас он отбывает семилетний срок в федеральной тюрьме.

Ева наконец повернула голову и посмотрела на меня. В ее каштановых глазах, блестящих от подступающих слез, горел такой яростный, чистый огонь, от которого у меня перехватило дыхание.

— Тогда, глядя на то, как система и человеческое равнодушие заживо хоронят моего брата, я поклялась себе. Я выучусь. Я зубрила латынь и анатомию до кровавых мальчиков в глазах под тусклой лампой, пока мои ровесники пили дешевое пиво на углах. Я поклялась, что стану лучшим физиотерапевтом в этой стране. И я никогда, слышишь, Лиам? Никогда в жизни не позволю сломать талантливого парня просто потому, что кому-то на скамейке запасных или в VIP-ложе плевать на его душу. Спортсмены для больших боссов, вроде твоего отца — это просто товар. Инвестиции. Строчка в контракте. Но для меня они — живые люди, которые отдают свое здоровье ради чужого развлечения.

Она слабо, горько улыбнулась, переводя взгляд на мое изувеченное колено.

— Мой порядок в кабинете, эти баночки по линейке — это единственный способ заглушить хаос и несправедливость этого мира. Когда все разложено по полочкам, мне кажется, что я могу всё контролировать. Что я могу спасти... хотя бы тебя. Раз уж не смогла спасти Дэнни.

Я смотрел на эту хрупкую девчонку из Южного Бостона и чувствовал, как внутри меня, под слоем многолетнего льда и мафиозной грязи, рождается что-то абсолютно новое. Мощное, горячее и пугающее. Она только что открыла мне свою душу, доверив самое сокровенное. И я понял, что ради этой девушки я готов выдержать еще сотню ультиматумов своего отца.

Глава 17 Ева

Врачебная тайна — это хрупкий картонный домик. Но то, что мы построили с Лиамом в полумраке этого кабинета, больше напоминало незаконный бункер, готовый обрушиться от малейшего толчка извне.

Я только успела поправить ледяной компресс на его чудовищно отекавшим, горячим колене, как тишину комнаты разорвал резкий, настойчивый, требовательный стук в дверь.

Тук-тук-тук.

Этот звук прозвучал в стерильном пространстве как серия пушечных выстрелов. Я невольно вздрогнула, резко выпрямляясь, а мое сердце мгновенно подпрыгнуло к самому горлу, забившись в бешеном, паническом ритме. Лиам на кушетке отреагировал мгновенно: его массивное тело натянулось как струна, а серые затуманенные болью глаза широко распахнулись, в упор уставившись на меня. В них снова замелькали те самые опасные, загнанные искры, которые я видела у него днем.

— Ева! Ты внутри? Открывай, это Томас, — раздался из-за двери плотный, глуховатый голос главного врача команды. Замок на ручке нетерпеливо дернулся. — Я пришел посмотреть, как там Маркус после укола. Надо решить, везем мы его в госпиталь сейчас или дождемся утра.

Внутренности сжались в тугую, ледяную узел. Паника липкой волной покатила по спине.

Доктор Томас. Человек, который поставил свою репутацию на кон перед владельцами франшизы, чтобы взять меня на работу. Человек, которого я прямо сейчас предавала, скрывая от него инвалидность капитана команды. Если он сейчас войдет и увидит Лиаму Моретти — полуодетого, с разорванными в хлам связями, на кушетке у молодого физиотерапевта вместо общей раздевалки — это будет конец. Для всех нас. Лиам снимут с пробега, его отца сорвет с катушек, а нас с Томасом уволят с позором и волчьим билетом в тот же вечер. Мой идеальный, выстраданный годами порядок рушился прямо на глазах.

— Секунду, доктор Томас! — крикнула я в сторону двери, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более ровно и профессионально, хотя у меня от страха перехватило дыхание. — Я сейчас открою, только перчатки сброшу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.